

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

ГРУППА АНТИТЕРРОР

Сергей МОСКВИН

ЯДЕРНЫЙ ШАНТАЖ

Сергей Москвин
Ядерный шантаж

«ЭКСМО»

2003

Москвин С. Л.

Ядерный шантаж / С. Л. Москвин — «Эксмо», 2003

Когда-то он состоял специалистом-ликвидатором особого подразделения Службы внешней разведки. Но времена изменились, и сейчас Шон (такое имя назначило ему руководство) – в «свободном полете». По-прежнему хладнокровен, фантастически изобретателен, готов на любые роли: от изысканнейшего денди до вонючего бомжа. Он не привык к поражениям. В любой игре – козырной туз. Заиметь такого – мечта всякой фирмы. И одной это удастся. Вся штука в том, что на сей раз игра идет по крупному. Ведь не каких-то там конкурентов замочить требуется – добыть ядерное оружие для самого Саддама Хусейна... Роман издавался под названием «Сувенир для Саддама».

© Москвин С. Л., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	39
Глава 11	43
Глава 12	47
Глава 13	50
Глава 14	52
Глава 15	57
Глава 16	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сергей Москвин

Ядерный шантаж

ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ВЕТРОВ АРТЕМ ВАСИЛЬЕВИЧ, капитан ФСБ, оперуполномоченный Управления по борьбе с терроризмом.

ЧЕРНЫШОВ ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ, полковник ФСБ, непосредственный начальник Ветрова.

БЕРШ ПЕТР ВЕНИАМИНОВИЧ, начальник службы безопасности корпорации «Пром-экс», бывший полковник внешней разведки.

ШОН, профессиональный убийца-ликвидатор, бывший агент Берша.

Глава 1

УСЛОВИЕ КОНТРАКТА

21.04, суббота, 15.00

Через зал официальных делегаций прошли две молодые девушки в форме бортпроводниц. Они с интересом взглянули на пятерых мужчин, стоящих в центре. Одна что-то сказала своей подруге, и обе весело рассмеялись. Четверо из пяти мужчин проводили девушек хмурыми взглядами, и только один, держащий в руках красивую папку из дорогой черной кожи с золотым логотипом, улыбнулся в ответ.

– Как с картинки, – заметил один из хмурых, когда бортпроводницы скрылись за боковой дверью.

– А ты думал?! – усмехнулся другой. – Правительственный авиаотряд!

– И кто-то же таких трахает! – мечтательно заметил первый.

– Тихо, вы! – прикрикнул на двух своих подчиненных начальник персональной охраны генерального директора корпорации «Промэкс». В руке у него была трубка мобильного телефона. – Босс идет!

Телохранители мигом смолкли, и взоры всех пятерых сконцентрировались на широких дверях.

Не так давно подмосковный аэропорт «Внуково-2» использовался исключительно для встреч и проводов официальных делегаций. Но под воздействием духа времени, когда крупные бизнесмены в мгновение ока делались видными государственными чиновниками, а те, в свою очередь, ведущими бизнесменами, когда граница между бизнесом и государственной службой становилась все размытее, аэропорт постепенно утратил свое первоначальное назначение. И сейчас во «Внуково-2» помимо самолетов правительственного авиаотряда обслуживались и самолеты государственных, а также частных фирм и компаний. Двадцать пять минут назад как раз совершил посадку «Гольфстрим», принадлежащий российской торгово-закупочной корпорации «Промэкс». Знакомая нам пятерка готовилась встретить ее генерального директора Леонида Борисовича Рубина, прибывшего спецрейсом из Багдада.

Наконец двери распахнулись, и в зал вошел сам руководитель корпорации. Следом шагал сопровождавший Рубина в его зарубежной поездке телохранитель.

– С благополучным прибытием, Леонид Борисович! – выступил вперед референт с кожаной папкой.

– Как долетели, Леонид Борисович? – приветствовал босса начальник бригады личной охраны.

Рядовые телохранители вопросов не задавали, они еще не доросли до того, чтобы лично общаться с самим генеральным. Рубин кивнул референту и, не задерживаясь в зале, направился напрямиком к выходу.

Двое телохранителей из группы встречающих обогнали своего босса и первыми вышли из здания аэропорта. Напротив выхода уже стоял белоснежный бронированный «Линкольн» – служебный автомобиль Леонида Борисовича, а впереди него – черный, как вороного крыло, «Мерседес G-500» бригады телохранителей. Рубин благополучно миновал пять метров, отделяющих здание аэровокзала от служебного лимузина, и уселся на заднее сиденье. Телохранители заняли места в машине сопровождения, стиснув своими мускулистыми телами оказавшегося между ними референта. Через несколько секунд обе машины уже неслись по Киевскому шоссе в сторону Москвы.

Отгородившись вспышками спецсигналов от общих правил дорожного движения, автомобильный кортеж менее чем за четверть часа преодолел расстояние от аэропорта до одной

из застекленных высоток на юго-западе столицы, где на трех последних этажах располагался головной офис корпорации «Промэкс». Сотрудники, в субботний день оказавшиеся на работе, приветливо-подобострастными улыбками встретили появление генерального директора. Обычно Рубин, возвращаясь из командировок, позволял себе несколько ироничных замечаний, но на этот раз ограничился лишь общей ответной улыбкой. Войдя в приемную, он кратко поздоровался с секретаршей и сразу прошел в свой личный кабинет. Спустя пять минут секретарша заглянула в кабинет шефа.

– Может быть, чай или кофе, Леонид Борисович?

Рубин стоял возле окна и через стекло смотрел на панораму Москвы, открывающуюся с высоты двадцатого этажа.

– Спасибо, Рая. Ничего не нужно, – не оборачиваясь к секретарше, ответил он.

Поза и поведение Рубина подсказали ей, что шеф пребывает в крайней степени задумчивости. Стараясь больше не докучать ему своим присутствием, секретарша неслышно вышла и плотно прикрыла за собой двойные двери. Через несколько минут в приемной появился заместитель директора по безопасности, невысокий плотный толстячок, которого секретарша, несмотря на его внешнее обаяние, немного побаивалась.

– Ой, Петр Вениаминович, если вы к шефу, то не советую. Леонид Борисович, похоже, не в духе, – понизив голос, сообщила она.

– Дела, Раечка, – вздохнул зам по безопасности. – Они не ждут.

Секретарша нажала кнопку селекторной связи:

– Леонид Борисович, к вам Берш.

– Проси, – коротко ответил Рубин.

Руководитель службы безопасности корпорации «Промэкс» Петр Вениаминович Берш озорно подмигнул секретарше.

– Может, и пронесет, – заметил он, прежде чем войти в кабинет своего непосредственного и единственного в корпорации начальника.

Берш явился к Рубину вовсе не по собственной инициативе, а по его вызову, но знать об этом секретарше было не обязательно.

* * *

Рубин уже отошел от окна и ждал Берша, стоя возле стола. Когда тот возник в кабинете, генеральный сам подошел к своему заместителю и крепко пожал ему руку.

– Нам надо кое-что обсудить, – сказал Рубин после приветствия. – Присядь.

Он указал на одно из глубоких кожаных кресел, стоящих в дальнем углу. По тому, что директор предложил сесть именно в кресло, а не за стол, Берш понял: разговор будет неофициальным. Он послушно занял предложенное кресло и вопросительно взглянул на начальника. С минуту Рубин молча расхаживал по кабинету, из чего Берш сделал вывод, что ему непросто начать разговор. Наконец шеф остановился и, взглянув на руководителя службы безопасности, спросил:

– Петя, какое количество акций нашей компании принадлежит лично тебе?

– Послушай, я прекрасно знаю, что из всех наемных сотрудников фирмы я обладаю самым большим пакетом акций. Ты мог бы об этом и не напоминать, – твердо проговорил Берш.

В присутствии кого бы то ни было генеральный директор «Промэкса» и начальник службы безопасности разговаривали исключительно на «вы» и обращались друг к другу по имени-отчеству. Но сейчас посторонних людей в кабинете не было, и Рубин с Бершем общались так, как к этому привыкли более чем за четырнадцать лет знакомства. Давнее знакомство этих людей являлось далеко не единственной их общей тайной.

– Хорошо. Ты уже четыре года работаешь в корпорации, из них два – в должности руководителя службы безопасности и моего заместителя, – продолжал Рубин. – Успехи, которых добилась корпорация на внутреннем и в особенности на внешнем рынке, – во многом твоя заслуга. Я всегда высоко ценил твой труд, и твой пакет акций – лучшее подтверждение.

Петр Берш слушал Рубина с большим интересом. Никогда прежде генеральный директор «Промэкса» не начинал доверительного разговора с оценки его личных заслуг. Столь необычное вступление указывало на то, что дальше речь пойдет о чем-то чрезвычайном. Берш не торопил и не перебивал шефа, терпеливо ожидая, когда тот перейдет к сути.

– Надеюсь, что тебе как крупному акционеру фирмы далеко не безразлична ее судьба, – сказал Рубин.

– Безусловно, мне не безразлична судьба нашей компании, – ответил Берш. – Но, насколько мне известно, мы весьма далеки от кризиса? – осторожно спросил он.

– Какой объем нефти мы должны поставить по уже заключенным контрактам? – неожиданно вопросом на вопрос ответил Рубин.

– Что-то около двадцати миллионов баррелей.

– Двадцать шесть! – выкрикнул Рубин. – Общий объем нефти, который мы должны поставить в Европу и Тихоокеанский регион по нашим контрактным обязательствам, составляет двадцать шесть миллионов баррелей! А на очереди и другие контракты! По предварительным оценкам, объем поставляемой нами нефти к концу года должен вырасти до сорока миллионов!

Берш наконец начал понимать, что хочет сказать ему хозяин «Промэкса».

– Иракцы перестали отпускать нам нефть? – страхась услышать подтверждение собственной догадке, спросил он.

– Отнюдь, Ирак намерен и дальше сотрудничать с нами. Более того, правительство Хусейна даже готово снизить для нас отпускную цену еще на пятнадцать процентов, но все это при одном условии.

– И что же Саддам хочет в ответ на такую неслыханную щедрость? Чтобы мы достали ему ядерную бомбу?

Высказанная мысль показалась Бершу настолько нелепой, что он позволил себе усмехнуться. Однако Рубин, только что вернувшийся с переговоров в Багдаде, остался совершенно серьезен. По мере того как генеральный директор продолжал молча смотреть в глаза своему заместителю, тот начал постепенно бледнеть и наконец проговорил:

– Леонид, это невозможно...

– Невозможно?! – резко подойдя к креслу, где сидел Берш, спросил Рубин. – А вернуть кредиты, которые мы набрали, возможно?! А заплатить неустойку нашим зарубежным партнерам за недопоставленную нефть возможно?! Экая малость – двадцать шесть миллионов баррелей! Наша компания в состоянии заплатить неустойку, я тебя спрашиваю?!

Рубин уже кричал в полный голос, его лицо побагровело. Если бы секретарша увидела своего шефа в таком состоянии, она бы решила, что у него случилась истерика. Но за пределы кабинета не доносилось ни звука. Использованные при его отделке специальные материалы сделали бы неслышным самый громкий вопль. Вскоре Рубин выдохся и замолчал. Дождавшись этого момента, Берш, стараясь говорить спокойно, произнес:

– Леня, ты же сам знаешь: одно дело, заниматься контрабандой нефти, добываемой Ираком сверх установленных ООН квот, и совсем другое – похищать боевые ядерные заряды.

Прежде чем ответить, Рубин глубоко вздохнул.

– Ладно, прости меня за этот срыв, – уже совсем другим голосом заговорил он. – Эмоциям вообще не место в бизнесе. Поэтому давай обсудим ситуацию взвешенно и спокойно. – Рубин опустил в соседнее кресло. – Сам знаешь, «Промэкс» не располагает средствами, чтобы вернуть кредиты. И нет у нас денег, чтобы заплатить неустойку по нашим контрактным обязательствам. Если иракцы перекроют нам нефтяной кран, мы потеряем все. Все, Петя, – повторил

Рубин и многозначительно посмотрел в глаза Бершу. – Только иракская нефть может спасти положение. И не просто спасти – она принесет компании огромную прибыль. Сорок миллионов баррелей нефти – в сегодняшних ценах – это же больше миллиарда баксов! Ты представляешь, какие это деньги?! Я же не зря спросил, дорога ли тебе судьба компании. Поэтому я еще раз говорю тебе – нам необходим иракский контракт.

– Все это так. И тем не менее иракцы выдвигают совершенно нереальные требования. Ленья, ты должен объяснить им это. Берш всегда считал, что его шеф обладает трезвым рассудком, но на этот раз все его призывы к логике оказались напрасны.

– Ты думаешь – я не пытался?! – вновь выкрикнул Рубин. – Но иракцы ничего не хотят слушать. Ты же сам знаешь – этот Хусейн просто бредит ядерной бомбой. Короче, иракцы поставили нам ультиматум: не будет бомбы – не будет и нефти.

Рубин замолчал. В кабинете наступила напряженная тишина. Наконец Берш спросил:

– Интересно, как ты себе представляешь эту задачу?

– Ты требуешь от меня слишком многого. Я коммерсант, моя специфика – экспорт и импорт, международные контракты, – ответил Рубин. Однако вопрос Берша вовсе не смутил его. – Зато моим заместителем по безопасности является полковник СВР, в свое время возглавлявший целый отдел в Департаменте научно-технической разведки. Я говорю о тебе, Петя. Ведь, когда ты работал на государство, тебе приходилось заниматься подобными вещами.

Отставной полковник лишь грустно усмехнулся. Пока еще ни одной разведке не удавалось заполучить боевой ядерный фугас или ядерную бомбу.

– Не путай одно с другим, – жестом остановил своего начальника Берш. – Ты знаешь, что ради нашего общего дела я готов пойти на все. И я уже не раз оказывал тебе услуги в очень даже щекотливых ситуациях. Но мои возможности не безграничны. Подумай трезво, пусть хоть сам дьявол это предложит, – разве мы в состоянии...

– Это ты подумай! – оборвал его Рубин. – Сейчас у тебя гораздо больше людей, чем когда ты служил в разведке. И технические средства у тебя не хуже. Разве что нет собственных спутников-шпионов, – усмехнулся генеральный директор «Промэкса». – В отличие от офицеров разведки, которым вечно не хватает денег, ты не будешь нуждаться ни в чем. На эту операцию ты можешь использовать все наши свободные средства, да что там!.. И наконец, тебе предстоит действовать в России, где купить можно практически все, были бы деньги. – Рубин немного помолчал и добавил: – Помнишь ту виллу в Ницце? Я выяснил, она продается. Так вот, если ты сохранишь для компании иракский контракт, можешь считать эту виллу своей. Все расходы корпорация возьмет на себя. С иракской нефтью мы сможем себе это позволить.

Глядя на лицо Берша, трудно было вообразить, какая работа кипит сейчас у него в мозгу. Чем дольше он думал над словами Рубина, тем менее безнадежным казалось ему положение. «Действительно, в службе безопасности корпорации собран целый штат высокопрофессиональных сотрудников. Я сам их подбирал. На вооружении имеются лучшие технические средства наблюдения и аудиоконтроля. О финансовой стороне вообще можно не думать. Под это дело Рубин без всяких вопросов дает любые деньги. Так почему бы не попытаться, тем более когда известно, что нужно искать и где?» По глазам Рубина Берш понял, что пора давать ответ.

– Хорошо, Леонид, я возьмусь за это дело, – с легким вздохом сказал начальник службы безопасности. – А ты пока собери документы, касающиеся продажи виллы. Я хочу на них взглянуть.

На лице Леонида Борисовича появилась довольная улыбка. Он резко встал с кресла и, подойдя к столу, вызвал по селекторной связи секретаршу.

– Рая, принеси нам два кофе и захвати бутылку коньяку, – распорядился Рубин.

Берш едва заметно поморщился. Демонстрировать перед секретаршей свои доверительные отношения с начальником службы безопасности генеральному директору, конечно, не следовало.

Глава 2

БЕРШ

21.04, суббота, 19.15

– Привет, – жена подставила щеку для поцелуя.

Он привычно исполнил обряд, как делал это всякий раз, когда возвращался в квартиру вот уже в течение двадцати семи лет их супружеской жизни.

Берш никогда по-настоящему не любил жену, как, впрочем, и ни одну другую женщину. Сильные чувства вообще не были ему свойственны. Холодный и расчетливый разум не оставлял места эмоциям. И, может быть, как раз поэтому брак оказался на редкость прочным. Петр Берш женился в 1973 году. Его женой стала дочь крупного партийного чиновника и недавняя выпускница Московского института международных отношений. Но для него, тогда еще молодого офицера Первого главного управления КГБ СССР – Службы внешней разведки, – знание имело только первое обстоятельство. Даже то, что его избранница на редкость хороша собой, не играло особой роли. До знакомства с Петром его невеста сменила множество поклонников. Однако среди них не было ни одного офицера государственной безопасности. Берш умело воспользовался этим обстоятельством. И хотя ему довольно быстро удалось привязать девушку к себе, предложение последовало лишь после того, как Петр получил одобрение ее отца. Брак между Петром Бершем и Ириной Цевенко стал классическим браком по расчету, где муж, жена и даже тесть преследовали каждый свои цели: Петр Берш – породниться с всемогущим партийным и хозяйственным руководителем, Ирина – выйти замуж за перспективного офицера госбезопасности, а сам Павел Цевенко – положить конец разгульной жизни своей дочери.

К огромной радости последнего, Петр еще до свадьбы отвалил от Ирины всех ее бывших поклонников. Для офицера госбезопасности сделать это оказалось совсем не сложно. Благодарность тестя тоже не заставила себя ждать. Едва женившись, молодые супруги сразу получили двухкомнатную квартиру улучшенной планировки в престижном районе Москвы, а сам Петр неожиданно быстро начал продвигаться по службе. К тридцати двум годам он уже был майором и ведущим сотрудником Западноевропейского сектора. С окончанием брежневской эпохи тесть утратил свое могущество, а вскоре и вообще ушел на пенсию, но к этому времени зять уже не нуждался в его протекции. Теперь карьерный рост обеспечивали его трудолюбие, расчетливый ум и умение интриговать. Берш благополучно пережил расформирование Комитета в 1991 году, а после выделения внешней разведки в отдельную службу даже возглавил отдел в Департаменте научно-технической разведки. В 1996 году с должности начальника отдела Петр Берш в звании полковника ушел в отставку и сразу устроился в службу безопасности недавно созданной торгово-закупочной корпорации «Промэкс».

Без всякого собеседования он был назначен заместителем начальника службы безопасности с окладом в три тысячи долларов, а еще через два года стал ее начальником. Особое расположение руководства корпорации к отставному полковнику объяснялось специфическими отношениями между Леонидом Рубиным и Петром Бершем. В 1987 году Леонид Борисович Рубин, тогда еще работник Внешторга, страстно желая избежать уголовного преследования, дал согласие сотрудничать с органами государственной безопасности по всем интересующим эти органы вопросам. Офицером, который взял с Рубина подписку о добровольном сотрудничестве, был не кто иной, как Петр Берш. Как опытный агентурист Берш знал, что сотрудничество с агентом только тогда оказывается плодотворным, когда отношения становятся дружескими. Дружба между Бершем и Рубиным оказалась выгодна им обоим. Рубин с помощью Берша избежал суда и уголовного наказания, которое уже казалось ему неотвратимым, а Берш,

в свою очередь, используя связи работника Внешторга, провел несколько удачных оперативных комбинаций.

Услуги, которые Берш и Рубин оказывали друг другу, вскоре стали взаимными. Когда в начале девяностых годов Рубину потребовалась помощь при создании торгово-закупочной фирмы, он обратился к Бершу, и тот оказал необходимое содействие. Ответной услугой стал шикарный евроремонт квартиры Берша, оплаченный деньгами только что созданной корпорации «Промэкс». До выхода на пенсию полковник Берш еще не раз помогал корпорации и лично ее генеральному директору. За свои услуги Берш получил от Рубина без малого сто тысяч долларов. Большею частью в виде подарков и различных платных услуг, но Берш не гнушался принимать и обыкновенные конверты с деньгами. Жизнь в Москве дорожала год от года, дополнительный источник доходов пришелся как нельзя кстати.

Так что в отличие от многих его коллег перед Бершем не встал вопрос, куда устроиться после выхода на пенсию. Рубин сразу предложил своему бывшему куратору возглавить службу безопасности корпорации, но Берш категорически отказался и еще два года ходил в заместителях. Все это время он тщательно присматривался к своим коллегам, определяя, кто из них подойдет для его будущей структуры. И когда в 98-м году Петр Берш наконец взял службу безопасности целиком на себя, он оставил только проверенных и абсолютно надежных, с его точки зрения, людей. Со всеми остальными Берш без всякого сожаления расстался. На их места были взяты новые сотрудники, подбором которых Берш занимался лично. В эффективности видоизмененной Бершем службы безопасности вскоре смогли убедиться и руководители «Промэкса», когда один за другим начали исчезать конкуренты. Одни скоростно разорялись, другие погибали при таинственных обстоятельствах, третьи исчезали в самом буквальном смысле, причем совершенно бесследно. Расчистив поле деятельности на внутрисистемном рынке, Берш взялся за внешний. Благодаря связям, которые Берш приобрел за границей во время службы во внешней разведке, «Промэкс» заключил несколько очень выгодных контрактов. Последним из них стал разработанный Бершем и контролируемый его службой безопасности проект контрабанды иракской нефти с последующей реализацией ее на мировом рынке. Данную разработку Берш считал одной из лучших своих операций – как за время службы во внешней разведке, так и после увольнения из СВР. И вот сегодня неожиданно выяснилось, что она находится под угрозой срыва.

...Берш разделся и прошел в гостиную. Подаренную тестем двухкомнатную квартиру он сменил на четырехкомнатную индивидуальной планировки в недавно выстроенном элитном доме. Квартира не стоила Бершу ни копейки: все расходы по приобретению и отделке взяла на себя компания «Промэкс». Столь щедрый подарок Берш получил за подготовку контракта на поставку в Европу российского алюминия. Контракт намеревалась перехватить группа предпринимателей из Западной Сибири, но за неделю до решающих переговоров с европейскими партнерами сибирские предприниматели в своем родном городе совершенно случайно угорели в русской бане во время совместной попойки. И хотя Берш обитал в новых апартаментах только с женой, их сын вот уже год как учился в Англии, – квартира не казалась ему излишне просторной. Каждая комната имела свое предназначение – гостиная, две спальни, рабочий кабинет хозяина. До того как сын уехал в Англию, одна из комнат принадлежала ему, но, когда комната освободилась, туда переехала жена. Петр уже давно не спал с женой в одной постели. Для занятий сексом у Берша имелась молодая двадцатидвухлетняя любовница, для которой он снимал отдельную квартиру. Ирина Берш тоже отдавала предпочтение молодым и страстным партнерам, которыми становились инструкторы фитнес-центров или массажисты. Петр Берш знал о любовных похождениях своей супруги, Ирина о внебрачных связях мужа только догадывалась, но оба старательно делали вид, что им ничего не известно. Физическое влечение супругов друг к другу с годами исчезло, но осталось чувство привязанности, к тому же за годы семейной жизни они привыкли быть взаимной опорой. А что касается постели, так секс

– это обычная потребность, такая же, как удовлетворение чувства голода. А раз к сексуальным партнерам нет никакой любви, то какая тут может быть ревность?

Лишь один раз Бершу пришлось переживать из-за неосторожности супруги. Какие-то мерзавцы записали на видеопленку, как жена руководителя службы безопасности «Промэкса» занимается любовью со своим тренером по теннису, и пытались шантажировать Берша этой видеозаписью. Берш быстро вычислил шантажистов. Заснятый на пленке тренер сразу во всем признался, не пришлось даже применять силу. Парень чистосердечно рассказал, что его уговорили на эту видеозапись приятель со своей подружкой. Берш ограничился тем, что забрал у шантажистов пленку-оригинал и все сделанные ими копии, а саму троицу передал бригаде «отморозков». Как Бершу стало известно позже, обоих парней бандиты кастрировали, а их подружку по очереди трахнули с десятком мужиков и забили в промежность пустую водочную бутылку. Петр ничего не сказал супруге о попытке шантажа, хотя она как-то вздохнула по поводу того, что ее тренер по теннису неожиданно исчез. Однако с тех пор сотрудники службы безопасности «Промэкса» по приказу шефа проверяли на благонадежность каждого нового знакомого его супруги. Предпринятые Бершем меры предосторожности оказались вполне надежны, а может быть, преподанный шантажистам урок выглядел достаточно наглядно, во всяком случае, попытки шантажа больше не повторялись.

– Ужинать будешь? – спросила жена. – Сегодня Галина приготовила лосиную печенку по какому-то особому рецепту, в белом вине и сметанном соусе.

– Да, пожалуй, поем, – ответил Берш.

«Белое вино и сметанный соус – довольно странное сочетание, – подумал он, отправляясь в ванную вымыть руки. – Наверняка изощряется, чтобы оправдать свои траты при закупке продуктов». В отличие от многих «новых русских», которые, желая продемонстрировать свои особые вкусы, заказывали в ресторанах самые причудливые блюда, Петр Берш знал толк в еде. Во время зарубежных командировок он успел изучить и немецкую, и французскую, и итальянскую кухни, а также гастрономические пристрастия жителей почти всех стран Европы. Берш знал, не только с чем следует употреблять в пищу те или иные блюда, но и то, как их нужно готовить.

Вымоченная в белом вине и тушенная в сметанном соусе вместе с обжаренными грибами лосиная печень вопреки его ожиданиям оказалась на редкость вкусной. Грибы Берш считал тяжелой пищей и на ночь обычно их не ел, но сегодня он допоздна собирался работать, поэтому съел все, что положила ему на тарелку жена.

– Петя, у тебя что, неприятности? – поинтересовалась Ирина, глядя в сосредоточенное лицо мужа.

– Что ты? – Тот улыбнулся. – Обычная работа.

Он никогда не обсуждал с женой свои служебные дела, но, когда люди прожили вместе больше двадцати семи лет, они поневоле начинают понимать друг друга даже без слов.

– Может быть, выпьем? – неожиданно для Берша предложила жена.

И он неожиданно для нее согласился:

– Давай. Помнишь, у нас оставалось бургундское? Красное вино к мясу будет как раз кстати.

Жена встала и вскоре вернулась с вином и двумя фужерами на высоких ножках. Берш сам разлил вино, но тост произнесла жена.

– За твою удачу, – сказала она, поднимая бокал.

Петр благодарно улыбнулся. Несмотря ни на что, у него не было в жизни более близкого человека, чем Ирина. Родители не в счет. С ними связаны лишь воспоминания детства, а большую часть своей сознательной жизни он прожил с этой женщиной. И никто не понимал его лучше, чем она. В конце концов, ведь не только ради себя он старался делать карьеру, но и для нее тоже. И вилла в Ницце тоже будет принадлежать им обоим.

Берш допил вино из фужера.

– Пойду в кабинет, нужно немного поработать. Не беспокой меня, – сказал он, вставая из-за стола.

– Конечно. – Жена понимающе кивнула.

«Что там говорил Рубин: сотрудники, технические средства, неограниченные финансовые возможности? – думал Берш, расположившись в жестком кожаном кресле за письменным столом. – Верно, но у меня есть и еще кое-что, о чем в компании не знает даже ее генеральный директор. Итак, у меня есть выходы на несколько бригад московских бандитов, которые за деньги или за ответную услугу выполняют для меня любую работу. Впрочем, нет, не любую – только ту, которая им по силам. Полоснуть очередью из автомата, взорвать машину – это им по зубам. Увы, на сложные многоходовые комбинации эти тупые быки не способны. Но у меня есть Шон – специалист-ликвидатор международного класса из особого подразделения нелегальной разведки. Старина Шон», – отставной полковник не без удовольствия повторил оперативный псевдоним своего агента. Профессиональный убийца очень любил фильмы про Джеймса Бонда. В то время знаменитая серия о похождениях английского суперагента только-только начала выходить на зарубежные экраны, но в фильмотеке ПГУ имелись копии всех фильмов. Когда встал вопрос о присвоении агенту-ликвидатору оперативного псевдонима, тот выбрал псевдоним Джеймс. Однако руководители Берша сочли, что называть агента советской разведки именем английского шпиона идеологически неверно. Псевдоним пришлось заменить на более идеологически приемлемый Шон – по имени артиста, сыгравшего главную роль в первых фильмах Бондиады.

«Личное дело Шона и все документы, где он упоминался, уничтожены, – продолжал думать Берш. – На моей прежней службе о нем не знает никто. Нынешние заказы выполняет безукоризненно и без колебаний. Смерть в результате несчастного случая – и никакого криминала. Как с сибирскими конкурентами в бане. Да уж, мастерства Шону не занимать. Итак, у меня есть профессиональный ликвидатор, мастер естественной смерти, не оставляющий следов, – мысленно повторил Берш. – Мощный козырь. Но чтобы добыть боевой ядерный заряд, нужны и люди другого уровня, вернее, другой специализации. В моем активе таких специалистов нет. Значит, их надо будет найти», – сказал себе Берш.

Он выдвинул из письменного стола средний ящик, в котором держал пачку листов белой бумаги и с десятков разноцветных гелиевых ручек. Гелиевая паста оставляет на бумаге яркий след, не хуже качественных чернил, но в отличие от них не засыхает, если ручка долго лежит без колпачка. В документах Петр Вениаминович Берш расписывался «Паркером» с платиновым пером, а при составлении бумаг пользовался дешевыми гелиевыми ручками – маленькая прихоть обеспеченного человека. Берш положил перед собой чистый лист бумаги, выбрал из набора ручку с черной пастой и снял с нее колпачок. «Что ж, приступим. Настало время поработать профессионалам», – в этот момент отставной полковник ощутил необыкновенный азарт. Бывшему полковнику СВР было от чего испытывать возбуждение. Он начинал готовить операцию, которая в случае успеха прославила бы разведку любой страны мира, потому что еще ни одной разведке не удавалось добыть ни одного образца российского ядерного оружия. И сейчас Берша помимо мыслей о роскошной вилле на французском побережье Средиземного моря переполняло ощущение собственной значимости. Он составлял план оперативных мероприятий, целью которых являлось похищение того, чего еще никому не удалось похитить.

Глава 3

КАПИТАН ФСБ ВЕТРОВ АРТЕМ ВАСИЛЬЕВИЧ

10.05, четверг, 18.00

Классная все-таки вещь мобильник. Когда нам их наконец-то выдали, я прямо вздохнул с облегчением. Не было бы у меня сейчас мобильного телефона, и пришлось бы мне в темпе сворачивать встречу и возвращаться обратно на Лубянку, чтобы дол. ожить начальнику, как я провел сегодняшний день. А так позвонил, и начальник знает, что я на встрече с «источником»,¹ о результатах которой я доложу ему завтра утром. Так и для дела полезнее, и не нужно лишний раз переться в центр с окраины Москвы. Здесь я немного слукавил. Преображенская площадь – если и не центр Москвы, то уж никак не окраина. Но это сути не меняет, потому что переться пришлось бы на своих двоих, в лучшем случае на метро, так как зарплата оперуполномоченного Управления по борьбе с терроризмом не позволяет мне обзавестись собственным автомобилем.

Есть, конечно, много и других вещей, которые тоже не позволяет иметь капитанская зарплата, но я сейчас говорю о самом насущном. Впрочем, нет, есть еще одно – это отдельная квартира. Как мужику привести домой девушку, если он в свои тридцать два года по-прежнему живет с родителями? Нет, привести, конечно, можно. Но что потом с ней делать? Все время чай пить? А если душа, да и девушка тоже хотят чего-то большего? Вот и приходится выкручиваться, выбирая время, когда предков нет дома, или заниматься любовью на квартирах приятелей, а если уж и там облом, то на конспиративной квартире. Но тут уж приходится быть крайне осторожным и все время думать о том, чтобы не осталось вещественных следов. Как-то раз, когда я еще был молодым неопытным лейтенантом и служил в Московском управлении ФСБ, мой начальник обнаружил на конспиративной квартире использованный презерватив. Это я, дурак, вместо того чтобы спустить резинку в унитаз, выбросил его в мусорное ведро да еще умудрился промахнуться. Короче, когда презерватив нашли, мне вlepили строгача да еще намекнули о неполном служебном соответствии. Однако судьба меня хранила. Из органов так и не уволили, хотя два раза собирались, и я все-таки дослужился до перевода в Управление по борьбе с терроризмом. Спасибо моему нынешнему начальнику полковнику Чернышову. Почему-то мой бывший начальник упорно считал, что я не соответствую образу российского офицера-чекиста. Ну тут он, конечно, прав, я тоже не могу сказать, что делал жизнь с Феликса Дзержинского, основателя советской спецслужбы. Однако всяких бандитов, убийц, насильников, торговцев оружием или наркотиками и прочую сволочь я ненавижу не меньше, чем в свое время Дзержинский. Нет, я, конечно, не оправдываю репрессии двадцатых, тридцатых, сороковых и всех последующих годов. Но черт возьми! Когда я вижу сытые и довольные рожи всех этих «братков», считающих себя хозяевами жизни, мне так и хочется ввести тот железный режим хотя бы на неделю, хотя бы на несколько дней, чтобы засунуть гадов туда, где им и положено быть, – в тюрьму или на зону. Может быть, я не прав. Может быть. Но я знаю точно, что я не одинок в своих мыслях. Так же думают прошедшие Чечню солдаты, товарищей которых зверски замучили чеченские террористы. Так же думает отец пятнадцатилетней девчонки, изнасилованной сворой подонков, или родители парня, который умер от передозировки. Наверняка перед тем как покончить с собой, так же думала и мать грудного ребенка, которого похитили прямо из детской коляски, когда женщина всего на минуту зашла в аптеку, чтобы купить ребенку микстуру от кашля. А кто-нибудь спрашивал людей, чьи родственники

¹ Источник – сокращение от «источник оперативной информации», общее название агентов и доверенных лиц (*проф. сленг*).

погибли при взрывах жилых домов в Москве осенью 99-го года? Что думают они? Я тоже не спрашивал, но точно знаю – все эти люди хотят, чтобы убийцы их детей, родителей, братьев, сестер, жен и мужей были жестоко – неподходящее слово – справедливо наказаны. Я не политик и не юрист, я не принимаю и не разрабатываю законы. Поэтому честно скажу – не знаю, каким должен быть закон, определяющий деятельность органов правопорядка, чтобы они наконец заработали эффективно, но не превратились при этом в орудие репрессий. Я обыкновенный опер из Управления по борьбе с терроризмом, но на своем месте я буду давить всех этих преступных гадов, пока у меня хватит сил и возможностей. Вот и Вовка Сурков, мой приятель из транспортной милиции, думает точно так же.

Вовка наконец-то получил у бармена две кружки «Старого мельника» и возвращается к нашему столу. Это с ним у меня сегодня встреча. Ментовский опер Владимир Сурков, старлей из линейного отдела УВД Горьковской железной дороги, один из моих источников информации. Никаких подписок или обязательств сотрудничать с органами госбезопасности Вовка не давал, поэтому не знает, что я оформил его в качестве своего информационного источника, хотя наверняка догадывается. Да я бы его и не оформлял! Вовка и так честно помогает мне, потому что знает – мы с ним делаем общее дело, он на своем месте, я на своем. Конечно, не следовало мне Вовку оформлять. Он мне друг, а не источник информации. И помогает мне Вовка по собственному убеждению, без всякого нажима с моей стороны. Но наши конторские правила требуют, чтобы у оперативника ФСБ везде были свои негласные сотрудники, в том числе и в милицмейской среде. С другой стороны, в том, что я Вовку официально оформил моим внештатным помощником, тоже есть свои плюсы. Вот кто бы мне разрешил с ним в рабочее время встречаться, если бы Вовка был мне просто приятелем? Да и пиво бы мы с ним в баре пили на какие шиши? На ментовскую зарплату, как и на зарплату опера ФСБ, особо не разгуляешься. К тому же я-то один, а Вовка парень женатый, девочка у него недавно родилась. Так что он всю получку в дом тащит. А на проведение встречи с агентом бухгалтерия выделяет деньги, для этого даже есть отдельная статья. Поэтому Вовка на меня не в обиде, он пиво не меньше моего любит.

– Ты чего-то хмурый сегодня, – заметил я, глядя на кислую Вовкину рожу.

– Да нагоняй от начальства получил за излишнюю активность, – отмахнулся от меня Вовка.

– Ну-ка, поясни, – усмехнулся я. – Ментов обычно, наоборот, ругают за то, что они мало работают.

– Много ты знаешь, за что нас ругают, – обиделся Вовка, но все-таки стал рассказывать: – Ориентировку по Мурзе помнишь?

Я помнил. Сбежавший из колонии уголовник по кличке Мурза – правая рука лидера «казанской» группировки – около недели назад мелькнул и в наших ориентировках.

– Ну вот, – продолжал Вовка, – а вчера на железнодорожных путях в районе Электрозаводской обнаружили его труп. Под поезд попал наш Мурза. Только не верится мне, что он сам туда угодил. Вот я и высказал начальству свои сомнения, а мне за это по шапке. – За неимением головного убора Вовка хлопнул себя рукой по затылку. – Дело отписали как несчастный случай и в архив. А наши мужики на меня теперь смотрят, как на предателя, который хотел на отделение лишний висяк повесить.

– Ты подожди. – Я даже положил руку Вовке на плечо, чтобы он особенно не кипятился. – Может, это действительно был несчастный случай. Напился Мурза до чертиков, с беглыми зэками такое часто случается, ну и не заметил приближающегося поезда.

Я хотел успокоить приятеля, но добился обратного эффекта. Видимо, негласное осуждение товарищей больно сказалось на самолюбии моего друга. Вовка аж вспыхнул:

– Не был он пьяным! В организме Мурзы эксперты действительно нашли алкоголь, но в очень незначительных количествах. Не мог он в таком состоянии не заметить поезда! Да и

вообще, Мурза любого шороха остерегался. У него же с его бывшим паханом какая-то стычка вышла. «Казанский» лидер даже убийцу на зону отправил, чтобы там Мурзу замочить. Только ничего у того не вышло. Мурза его сам завалил, из колонии сбежал и двинул в Москву, чтобы пахану своему должок отдать. Но лидер «казанцев» тоже не сидел сложа руки. Слух прошел, что он Мурзу какому-то очень крутому специалисту заказал за бешеные бабки. А специалист этот вроде как из ваших. Не слыхал про такого?

– Ой, ну от кого я только не слышал, что ФСБ преступных авторитетов отстреливает. Вот и ты туда же.

– Да нет, я же серьезно, – обиделся Вовка. – Говорю тебе: слух прошел, что лидер «казанцев» заказал Мурзу профессиональному киллеру, который работает на ФСБ. Вот я и думаю, что этот киллер выследил Мурзу, грохнул его, а потом представил все как несчастный случай.

– Вова. – Я придвинулся к своему другу и заглянул ему в глаза. – «Казанский» авторитет боялся Мурзу и поэтому сознательно распространил слух о том, что заказал своего бывшего помощника высококлассному киллеру. А чтобы слух выглядел еще более устрашающим, добавил, что киллер этот – профессионал из ФСБ. У всех этих слухов была единственная цель – испугать Мурзу и заставить его сбежать из Москвы. Вот и все.

Вовка засопел. Похоже, он мне не очень-то поверил. Я понял – надо переводить разговор на что-то другое, и поэтому спросил:

– Ну а вообще как дела? Чем живет наша доблестная транспортная милиция?

В ответ Вовка тяжело вздохнул. Кажется, и мой новый вопрос отнюдь не поднял ему настроения.

– Сплошные проблемы, – недовольно пробурчал Сурков. Ясно, мой друг сегодня не в настроении. – Ни с того ни с сего в арзамасских поездах резко подскочило число карманных краж. Главное, все было нормально, а вот последнюю неделю как прорвало! Кража за кражей. Вроде бы середина мая – начало курортного сезона. По идее, карманники должны были перекочевать на южное направление, а они вместо этого арзамасские поезда бомбят. Наши мужики только руками разводят, никогда такого не было.

– А что воруют – деньги, ценности? – больше из вежливости спросил я.

Кражи личного имущества, как и новые тенденции в работе российских карманников, нашу контору особенно не интересуют. Для Управления по борьбе с терроризмом мелковат уровень.

– В основном документы, – ответил на мой вопрос Вовка. – Паспорта, удостоверения, командировочные, ну и прочие ксивы.²

– Понятно, – довольно равнодушно произнес я.

Сурков, видимо, смекнул, что истории про карманников меня мало интересуют, потому что сразу свернул разговор и оставшееся пиво допивал уже молча. Повторно разговаривать Вовку мне так и не удалось. Таким образом, можно было констатировать, что, кроме выпитого за счет конторы (считай, на халяву) пива, встреча с источником пользы не принесла. Но я за это на Вовку не в обиде. Большинство плановых встреч с агентами именно так и заканчиваются. А в свое время по Вовкиной наводке мы взяли объявленного во всероссийский розыск чеченского полевого командира и пару раз, уже вместе с ментами, задерживали курьеров, перевозивших оружие.

² Ксива – паспорт или другой документ, удостоверяющий личность (*уг. жаргон*).

Глава 4

ПОДГОТОВЛЕННАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

10.05, четверг, 21.50

По вечерним улицам Москвы неслась черная «Волга» с правительственными номерами. Пожилой водитель в очередной раз взглянул на застилающие небо темные тучи и озабоченно заметил:

– Ливень будет, не иначе.

– Что? – отозвался седой мужчина в очках, расположившийся на заднем сиденье.

Он был поглощен изучением подборки документов, которые захватил в машину, и поэтому не расслышал реплики водителя.

– Я говорю, сильный дождь будет, – повторил водитель.

– Михаил, если можно побыстрее. Мне бы хотелось попасть на дачу еще до дождя. Жена и так уже заждалась.

– Попробую, хотя...

Водитель еще раз критически посмотрел на хмурое небо и прибавил газа. То же самое сделал водитель серой «Мазды», следующей за «Волгой» от самого здания Государственной думы. Однако водитель «Мазды» очень хотел, чтобы сопровождение не было замечено, поэтому держался от правительственной «Волги» на почтительном расстоянии, пропуская вперед себя одну или две машины. По мере удаления от центра Москвы количество машин на улицах заметно сократилось. И когда «Волга» свернула с Кутузовского проспекта на Рублевское шоссе, водитель разогнал машину до ста километров в час. Многие водители-профессионалы не любят слишком быстрой езды, и водитель «Волги», обслуживающий депутатский корпус Государственной думы, тоже не составлял исключения, но дорожная обстановка позволяла увеличить скорость, и он сделал это в угоду своему пассажиру.

Повторив маневр «Волги», водитель «Мазды» поднял с соседнего сиденья трубку мобильного телефона и, ткнув пальцем в кнопку повтора номера, сказал в микрофон:

– Выехали на Рублевку, следуют дальше.

– Понял, – бесстрастным голосом отозвалась трубка, после чего раздались гудки отбоя.

Водитель «Мазды» не знал человека, с которым разговаривал по телефону, и даже никогда не видел его. Интуиция подсказывала ему, что лучше никогда с этим человеком и не встречаться. Незнакомый голос в трубке казался совершенно спокойным, но именно это нарочитое спокойствие как раз и вызывало у водителя «Мазды» ощущение непреодолимой опасности. Поэтому он был страшно рад, что его задание ограничивается наблюдением за «Волгой» с указанными номерами и информированием неизвестного собеседника обо всех ее перемещениях. Втайне от него водитель «Мазды» надеялся, что, когда «Волга» выедет за пределы Москвы, он будет вынужден прекратить наблюдение. Автомобили из гаража правительства или Госдумы игнорируют требования дорожных знаков, ограничивающих скорость на Рублевском шоссе сорока километрами в час. Любой другой водитель, посмеявшийся нарушить этот запрет, немедленно будет остановлен бдительными инспекторами ГИБДД, и днем и ночью контролирующими правительственную трассу. Однако, достигнув МКАД, «Волга» свернула с Рублевского шоссе на Кольцевую дорогу. Наблюдатель за рулем «Мазды» тяжело вздохнул и вновь потянулся за трубкой мобильного телефона, чтобы доложить об очередном маневре сопровождаемого объекта.

– Понял, – все так же бесстрастно отозвался неизвестный собеседник.

Миновав две автомобильные развязки, «Волга» ушла с Кольцевой автодороги на Пятницкое шоссе и помчалась в сторону Зеленограда, но уже через двадцать километров свернула

на примыкающую к шоссе дорогу. Водитель «Мазды» знал, что эта дорога ведет к элитному дачному поселку, расположившемуся на берегу Клязьмы, и немедленно доложил об этом своему телефонному собеседнику.

– Понял. Уезжайте, – ответила трубка.

Водитель «Мазды» облегченно сбросил скорость и, последний раз взглянув на удаляющиеся габаритные огни правительственной «Волги», развернулся прямо посередине дороги и поехал в обратную сторону. Дождь все не начинался, хотя тучи полностью заволокли небо, и он рискнул предположить, что успеет добраться домой еще до начала дождя. О «Волге» с правительственными номерами он больше не хотел думать.

Получив последнее сообщение водителя «Мазды», его неизвестный собеседник спрятал в нагрудный карман туристического жилета трубку мобильного телефона. Для того чтобы добраться до кармана, ему пришлось расстегнуть клапан длинного брезентового плаща. Плащ, сшитый из грубой ткани с водоотталкивающей пропиткой, не отличался изяществом и больше напоминал солдатскую плащ-палатку. Если бы водитель «Мазды» увидел, что его телефонный собеседник имеет столь невзрачный вид, он бы очень удивился. Но человек в брезентовом плаще, выбирая одежду, руководствовался исключительно ее функциональным предназначением. Спрятав в карман более не нужный телефон, он вышел на середину дороги и, подвернув под себя длинные полы плаща, лег прямо на асфальт. В четырех километрах протекала подмосковная река Клязьма и располагался дачный поселок, к которому в данный момент приближалась правительственная «Волга». Уперевшись локтями в асфальт, человек поднес к глазам прибор ночного видения, снабженный лазерным дальномером, и стал наблюдать за дорогой. Вскоре на экране прибора вспыхнули два ярких пятна – горящие фары приближающейся машины. В нижней части экрана побежали цифры, отсчитывающие расстояние до стремительно приближающегося объекта. «Волга», – определил по контурам машины наблюдатель. Иного автомобиля на этой пустынной дороге он и не ожидал увидеть. Когда электронное табло показало, что до объекта осталось сто метров, человек выхватил из-под полы плаща мощную электроразрядную лампу-вспышку, внешне похожую на средних размеров прожектор. Человек в плаще направил лампу на приближающийся автомобиль и включил ее. Перед этим он максимально прищурил глаза, чтобы не оказаться ослепленным собственной вспышкой. Он не ослеп и не потерял реакции, поэтому успел откатиться в сторону, не позволив колесам неуправляемого автомобиля размазать себя по асфальту...

Фары правительственной «Волги» неожиданно выхватили из темноты груды тряпья, лежащую прямо посередине дороги. Водитель успел увидеть, как эта груда неожиданно зашевелилась и в направлении машины из нее тянется человеческая рука, удлинённая каким-то странным прибором, а затем дорога и весь окружающий мир утонули в море нестерпимо яркого света.

Вспышка электроразрядной лампы на несколько секунд полностью ослепила водителя. Он закрыл глаза и замотал головой, стараясь восстановить зрение. Но когда он вновь открыл глаза, то увидел перед собой лишь расплывающиеся радужные круги. Поняв, что он уже не контролирует несущуюся вперед машину, водитель ударил по тормозам, но было уже слишком поздно. «Волга» пересекла полосу встречного движения и нырнула в придорожный кювет. Сила инерции перебросила автомобиль через него. «Волга» перевернулась, проехала по траве на крыше, снова опрокинулась на колеса и уже окончательно остановилась. Пассажир вылетел с заднего сиденья, ударился головой о крышу автомобиля и потерял сознание. Пристегнутый ремнем безопасности водитель пострадал меньше, по-настоящему не отключился.

Оправившись от шока, водитель осмотрелся по сторонам. Ослепленные вспышкой глаза слезились, тем не менее он уже мог разглядеть окружающие предметы. Он понял, что остался жив и что все еще находится в машине. И еще он увидел возле своей машины человека в длинном брезентовом плаще. Тот поливал «Волгу» какой-то жидкостью из пятилитровой пласти-

ковой канистры. «Бензин!» – догадался водитель. Человек в плаще с удивлением посмотрел на очнувшегося водителя «Волги», но не прекратил своего занятия.

– Что вы делаете?! – в ужасе выкрикнул водитель.

Человек в плаще оставил вопрос без ответа. Люди в машине его совершенно не интересовали, он делал свою работу, целью которой являлась смерть пассажира правительственной «Волги». То, что при этом должен был умереть еще кто-то, не имело никакого значения. Зато значение имело другое обстоятельство – смерть депутата Государственной думы должна была выглядеть как трагический несчастный случай.

Плеснув остатки бензина через раскuroченное окно чуть ли не в лицо водителю, человек в плаще на несколько метров отошел от машины и, нагнувшись, сорвал несколько стеблей засохшей прошлогодней травы. Вероятность того, что брошенная спичка или окуроч уцелеют после пожара, была ничтожно мала. Но в своей деятельности человек в плаще исключал даже самые невероятные возможности. За свою жизнь он провел не один десяток успешных ликвидаций, причем не только в России. Но ни разу службе безопасности или криминальной полиции не удавалось выйти на его след. Потому что каждую ликвидацию профессиональный убийца преподносил как несчастный случай или смерть в результате естественных причин.

Когда убийца поднес к смоченным в бензине стеблям травы зажигалку, загипнотизированный его действиями водитель очнулся от оцепенения. Он отстегнул сослуживший свою службу ремень безопасности и судорожно рванул ручку двери. Но искореженная дверь не поддавалась и, сколько он ни бил в нее кулаками, так и не открылась. Водитель попробовал выбраться из машины через проем, образовавшийся на месте лобового стекла. Но в результате аварии окно превратилось в узкую щель. Тем не менее водителю удалось протиснуть в эту щель левую руку и голову. И в этот момент на облитый бензином капот упал пучок горячей травы. Пламя мгновенно распространилось по кузову «Волги» и ворвалось в салон. Крики сгорающего заживо человека утонули в бушующем пламени. Убийца убрал в дорожный рюкзак пустую канистру, ранее он уже засунул туда использованную лампу-вспышку, и, забросив рюкзак за спину, направился прочь от объятых пламенем автомобиля.

Когда он выходил на дорогу, пожирающее «Волгу» пламя добралось до бензобака, и тот взорвался с оглушительным грохотом. Убийца обернулся и, поднеся к глазам прибор ночного видения, взглянул на дело своих рук, но уже не увидел ничего, кроме пульсирующего огненного шара.

Глава 5

ВЕТРОВ: «СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ»

11.05, пятница, 09.05

Я сегодня опоздал на службу. Обычно я не опаздываю, а тут... Даже не знаю, как это получилось. И ночью мне не спалось, тоже непонятно почему. Утром проснулся, вроде голова не болит, а состояние какое-то странное. Может, это на меня магнитные бури так влияют. Хотя раньше вроде бы ничего такого было. В общем, с утра я был какой-то вялый и провозился дома дольше обычного. В итоге опоздал на тот автобус, на котором всегда ездил от дома до метро, пришлось ждать следующего. Так и наложилось одно на другое, и на службу я приехал только в десятом часу.

Я миновал вестибюль управления, пожал руку дежурному прапорщику и вступил на лестницу, чтобы подняться на пятый этаж, где располагается мой служебный кабинет. Я даже успел преодолеть один лестничный марш, когда нос к носу столкнулся с моим непосредственным начальником полковником Чернышовым. Вместе с ним вниз спускался и мой лучший друг Олег Муромцев – тоже капитан и тоже опер из группы полковника Чернышова. Начальник смерил меня осуждающим взглядом и, коротко бросив:

– Следуй за нами, – прошел мимо.

Вообще-то Чернышов редко бывает ко мне суров, поэтому я сразу сообразил – что-то случилось! Поравнявшись с Олегом, я ткнул его кулаком в бок и шепотом спросил:

– Что произошло?

В том, что Муромцев в курсе случившегося, можно было не сомневаться. Олег парень на редкость правильный, он даже по уважительной причине никогда не опаздывает. У него вообще масса достоинств, но самое большое – это его красавица жена. Лариса вышла замуж за Олега, когда он еще служил в «Альфе». Ну тут понятно, Олег – командир роты самого крутого в нашей стране спецназа, и Лариса, тогда еще студентка института культуры, влюбилась в него по уши. Они поженились уже через несколько месяцев после знакомства. Я, правда, на их свадьбе не был, о чем страшно жалею, но тогда мы с Олегом еще не были знакомы. Это уже потом, когда Олег из «Альфы» перешел в Управление по борьбе с терроризмом и попал в нашу опергруппу, мы с ним и познакомились, а познакомившись, подружились. Позже Олег познакомил меня и со своей женой. Не то чтобы специально, а просто привел Ларису на празднование Нового года, который мы в управлении всегда отмечаем. Я как увидел жену Олега, так сразу и обалдел. Честно скажу, такой красивой девушки я еще никогда не встречал, может быть, поэтому до сих пор и не женился. Университетский брак не в счет. Я тогда был еще совсем молодой и такой же глупый. Да и прожили мы с женой в браке всего полгода, а когда нам стало ясно, что мы не подходим друг другу, сразу развелись. В общем, на той новогодней вечеринке я с Ларисы Муромцевой глаз не спускал, весь вечер шутил, сыпал комплиментами. Мне и раньше приходилось встречаться с красивыми девушками, но в Ларисе есть какая-то особенная красота. В итоге мое внимание, конечно, не осталось для Ларисы незамеченным. И во время танца, на который я ее пригласил, она сказала, что я ей симпатичен, но в то же время ясно дала понять, что между нами не может быть ничего, кроме дружбы, так как она любит своего мужа. А я, если честно признаться, надеялся и на более близкие отношения. Но я парень понятливый, поэтому, если девушка не желает, не настаиваю. К тому же позже я убедился, что Лариса действительно очень любит своего мужа. А с ней, как она и предложила, мы стали отличными друзьями.

– Этой ночью погиб Владимир Борисович Симонов – председатель думского комитета по экологии, – ответил на мой вопрос Муромцев. – Разбился на служебной машине вместе с водителем. Генерал, как узнал о случившемся, сразу направил нашу группу разобратся.

Симонов – знакомая фамилия. Я напряг память и вспомнил. Депутат Симонов – один из наиболее известных думских «яблочников», неоднократно высказывал свое резко отрицательное мнение в отношении новых поправок к Закону «Об охране окружающей среды». Теперь, после его смерти, журналисты обязательно поднимут вой об очередном политическом убийстве. Непонятно только – каким боком мы имеем ко всему этому отношение? Насколько мне не изменяет память, расследование убийств – прерогатива органов внутренних дел. С учетом того, что погибший был довольно известной в стране фигурой, к делу может подключиться Московское управление нашей службы. Но в любом случае участие в расследовании антитеррористического управления выглядит довольно странным. Или в качестве одной из версий гибели депутата рассматривается террористический акт?

Рассуждая таким образом, я вслед за Чернышовым и Муромцевым вышел во внутренний двор, где нас уже ждала дежурная «Волга». Павел Чернышов с Олегом расположились на заднем сиденье, мне досталось переднее, рядом с водителем. В машине я не удержался и, конечно, поделился своими соображениями с Чернышовым.

– «Эхо Москвы» в своем утреннем информационном блоке заявило, что смерть депутата Симонова была выгодна в первую очередь правительству и Кремлю, которые проталкивают через Думу поправки к Закону «Об охране окружающей среды», а также прозрачно намекнуло, что к гибели депутата может иметь непосредственное отношение ФСБ, действующая по указке Кремля, – ответил мне Чернышов.

Услышав такой ответ, я вытаращил глаза и уставился на своего начальника. Да, каких только баек и высосанных из пальца историй мне не приходилось слышать от наших журналистов. Но с таким перлом я столкнулся впервые. Жаль, что сегодня утром я не удосужился сам послушать радио.

– После заявления «Эха» директор распорядился подключить к расследованию помимо сотрудников Московского управления еще и оперативную группу из Управления по борьбе с терроризмом. А Локтионов поручил это дело нам, – закончил Чернышов.

Теперь поначалу удивившая меня реакция начальника нашего управления – генерала Локтионова – стала мне вполне понятна. Понятно и почему он поручил разобратся в обстоятельствах смерти именно нашей оперативной группе. Во всем управлении только наша оперативная группа подчиняется непосредственно начальнику управления. И все это благодаря полковнику Чернышову – нашему с Олегом начальнику. Павел Андреевич Чернышов – разыскник и оперативник от бога. У него мышление на сто ходов вперед работает. Вот генерал Локтионов и держит Чернышова на особом счету, поручая ему самые ответственные дела.

– Значит, нам отводится роль независимых экспертов, – усмехнулся я. – И теперь, чтобы успокоить взбудораженное журналистами с «Эха» общественное мнение, мы должны будем подтвердить выводы, которые сделают наши коллеги из Московского управления?

– Погиб человек! – неожиданно повысил голос Чернышов. – И мы должны не опровергать или подтверждать чьи-то выводы, а прежде всего объективно разобратся в обстоятельствах случившегося! Поэтому слушайте и запоминайте...

За то время, пока мы ехали к месту вчерашней трагедии, Чернышов кратко ввел нас с Олегом в курс дела. Как я понял из его слов, депутат Симонов допоздна работал в своем служебном кабинете на Охотном Ряду. Примерно в половине десятого он отправился на дачу, куда еще накануне майских праздников переехала его семья: жена с двумя замужними дочерьми и тремя внуками. Не доезжая пяти километров до дачного массива, машина Симонова по не установленным пока причинам вылетела с трассы, очевидно, ударилась о придорожную насыпь и загорелась. Когда разбившуюся машину обнаружил проезжавший мимо водитель,

она уже догорала. У водителя при себе оказался мобильный телефон, по нему он и вызвал милицию, пожарных и «Скорую помощь». Никому из пострадавших помочь уже, естественно, было нельзя. Когда пожарные затушили остатки пожара, то обнаружили в машине обгоревшие тела двух человек. Ближе к полуночи наконец удалось установить личности погибших. А когда выяснилось, что один из погибших депутат Государственной думы, да еще и председатель одного из думских комитетов, тут и завертелось...

На месте происшествия нас встретил майор ГИБДД. У него был крайне измученный вид. Из чего я сделал вывод, что он приехал сюда еще во время первичного осмотра, а может быть, сам и проводил его. Так или иначе, но майору наверняка пришлось выдержать немало суровых бесед с милицейским, прокурорским, да и с фээсбэшным начальством. К счастью, к нашему приезду все высокопоставленные генералы и прокуроры уже разъехались. Даже остов обгоревшей машины успели вывезти. И сейчас только взрыхленная за придорожным кюветом земля да черные пятна выгоревшей травы напоминали о недавней трагедии.

Чернышов за руку поздоровался с милицейским майором, представился и показал свое служебное удостоверение. Мы с Олегом последовали его примеру, только удостоверений уже не показывали, решив, что документа нашего начальника будет вполне достаточно.

– Ну и что бы вы хотели узнать? – спросил у нас майор после короткого знакомства.

– Для начала ваше мнение о случившемся, – ответил Чернышов, разглядывая следы, оставленные вылетевшей с трассы машиной.

– Что вам мое мнение? – невесело усмехнулся гибэдэдэшный майор. – Тут за прошлую ночь столько генералов побывало.

– Ну, а все же, – проявил настойчивость Чернышов.

– В том-то и дело, что какого-то определенного мнения у меня как раз нет, – честно признался майор. – С одной стороны, все выглядит как типичный несчастный случай – водитель не справился с управлением, машина сошла с трассы, ударилась о насыпь, перевернулась и загорелась, а с другой стороны...

Гибэдэдэшник развел руками и замолчал. Ну что за манера вести разговор бывает у некоторых людей! Ты сначала объясни толково, что тебе кажется непонятным, а потом и разводи руками! Вместе будем думать! Я было хотел поторопить майора с ответом, но он и сам уже снова заговорил:

– Так, с чего бы ему с управлением не справиться? У погибшего водителя стаж без малого тридцать лет. Значит, опытный был мужик, да и работал он в гараже Госдумы! А там лихачей не держат. Теперь взгляните на дорогу. Сами видите, трасса почти прямая. А то место, где машина вылетела с дороги, даже не поворот, а так – небольшой изгиб. Здесь и на скорости сто двадцать машина проходит без всякого заноса.

– Но ведь вчера ночью был сильный дождь, – напомнил гибэдэдэшнику Чернышов.

– Обратите внимание на тормозной след, – майор указал рукой на две параллельные черные полосы, оставленные на асфальте стершимися покрышками. – Отпечаток четкий, не смазанный. Значит, депутатская «Волга» здесь еще до дождя тормозила. Теперь взгляните, тормозной след начинается уже на встречной полосе. То есть водитель попытался затормозить уже после того, как выехал на встречную полосу. Довольно странно, правда?

Я вообще-то не специалист в разборе дорожно-транспортных происшествий, но и то вынужден был признать, что этот гибэдэдэшный майор объясняет довольно толково.

– И наконец, «Волга» после того, как ударилась о насыпь, загорелась. А с чего бы ей было гореть? Это только в кино машины после аварии сразу взрываются. В жизни такое встречается значительно реже.

– Но все же встречается? – уточнил Чернышов.

– Редко, – повторил свое мнение майор.

– Значит, вы подозреваете, что здесь произошло убийство? – в лоб спросил у майора Чернышов.

– Да ну, какое убийство. – Тот даже махнул рукой. – С дороги их никто не сталкивал, по машине не стрелял. Так что с трассы они вылетели без всякой посторонней помощи. Я вот только не пойму – почему? Если честно, поведение водителя мне вообще напоминает самоубийство. Решил мужик свести счеты с жизнью и направил машину на полной скорости в придорожный кювет, а в последний момент передумал, вот и ударил по тормозам, да только уже поздно было.

Вот! А еще говорят, что у сотрудников нашей милиции туго с воображением. Да тут такой талант пропадает! Это ж надо придумать – решился мужик на самоубийство, потом передумал, да поздно было. Я не сдержался и хмыкнул. К счастью, гибэдэдэшный майор не заметил моей усмешки. Зато заметил Чернышов и осуждающе посмотрел на меня, уже в третий раз за сегодняшний день.

– Другой версии аварии у вас нет? – обратился Чернышов к майору и, получив отрицательный ответ, добавил: – Понятно.

Потом мы какое-то время обследовали трассу, кювет и придорожную насыпь, в которую врезалась «Волга». С особым вниманием полковник Чернышов осмотрел участки выжженной земли. Что именно он хотел там найти, для меня так и осталось загадкой. Если здесь и оставались какие-нибудь улики, которые могли пролить свет на разыгравшуюся вчерашним вечером трагедию, то их наверняка собрали эксперты следственной бригады во время первичного осмотра. Во всяком случае, я не нашел ничего, кроме осколков автомобильных стекол.

Обратно в Москву мы возвращались молча. Едва сев в машину, Чернышов сразу погрузился в размышления, а мы с Олегом остерегались нарушать мыслительный процесс начальника своими разговорами. Но столь длительного молчания я все-таки не выдержал и, когда наша машина въехала в Москву, спросил:

– Павел Андреевич, и что вы все-таки думаете об этой аварии?

– Я думаю, что необходимо выяснить – мог ли кто-нибудь желать смерти Симонову, – ответил мне Чернышов.

Вот так-так, вроде бы ответ получен, а ясности нет. Однако я не стал больше ничего переспрашивать. К словам гибэдэдэшного майора Чернышов бы все равно ничего не прибавил, а на меня вполне мог посмотреть с укоризной. Четвертый раз за день вызывать раздражение начальника – явный перебор даже для такого неорганизованного опера, как я.

Глава 6

ВЕТРОВ: «В ОБИТЕЛИ НАРОДНЫХ ИЗБРАННИКОВ»

11.05, пятница, 12.30

Высказанная полковником Чернышовым в машине мысль обрела свое логическое продолжение, и я по заданию начальника отправился в здание Госдумы на Охотном Ряду. Нет, это отнюдь не значило, что кого-то из депутатов Чернышов считал виновником смерти его коллеги или хотя бы врагом. Он вообще не был уверен, что такой человек существует. Несмотря на все сомнения гибэдэдэшного майора, версия о несчастном случае представлялась Чернышову (да и мне тоже) наиболее вероятной. Мало ли людей разбиваются на машинах без видимых причин? Однако, пока окончательный вердикт о причинах автокатастрофы не вынесен, необходимо отрабатывать все версии, даже такие маловероятные, как преднамеренное убийство с инсценировкой автомобильной аварии. А Чернышов справедливо полагал, что если все же Симонову помогли уйти из жизни, то смертельных врагов он мог нажать себе только в результате профессиональной деятельности. Ну а уж в части деятельности председателя думского комитета коллеги Симонова, безусловно, являлись самыми осведомленными людьми.

Как и следовало ожидать, в дверях Государственной думы меня встретили двое суровых стражей в милицейской форме. Но моя солидная «корка», а особенно три магических слова «Управление по борьбе с терроризмом» произвели на них должное впечатление. И после заявления о том, что я один из тех, кто расследует обстоятельства смерти депутата Симонова, я получил допуск в обитель народных избранников.

Чтобы мой поход не оказался напрасным, Чернышов предварительно позвонил заместителю председателя думского комитета по экологии и договорился с ним о моем визите. Дверь в кабинет председателя комитета оказалась открыта, и я смело вошел внутрь. В кабинете толпились люди. На широком столе, очевидно, том, за которым работал Симонов, стояла его большая фотография в траурной рамке. Возле фотографии лежали букеты живых цветов. В такой обстановке я сразу почувствовал себя несколько неловко. Точно так же чувствовали себя и остальные, находящиеся в кабинете. Наконец на меня обратил внимание невысокий полноватый человек. Он стоял ближе всех к столу Симонова и, тыча авторучкой в документ, который держал в руках, объяснял что-то молодой миниатюрной женщине с аккуратной прической каре. Он на секунду оторвал взгляд от листа бумаги, который держал в руках, и, заметив меня, спросил:

– Вы ко мне?

– Да, если вы Георгий Яковлевич Варенников, – ответил я.

– Я вас слушаю.

Я представился, предъявил Варенникову свое служебное удостоверение и, напомнив ему об устной договоренности с моим начальником, сказал, что хотел бы побеседовать с коллегами Симонова.

– Да-да, конечно. – Варенников понимающе покачал головой. – Но для разговора давайте лучше пройдем в мой кабинет.

Я охотно принял его предложение: при таком скоплении народа трудно рассчитывать на откровенность собеседника.

Вместе с Георгием Яковлевичем мы вышли из кабинета. Как ни странно, но женщина, с которой разговаривал Варенников до моего прихода, тоже пошла вслед за нами. Видимо, заметив мое недоумение, Георгий Яковлевич тут же представил мне нашу спутницу:

– Марина, моя помощница.

– Артем, – живо отреагировал я.

Обычно я нравлюсь женщинам, особенно таким молодым и привлекательным. Но на этот раз мое природное обаяние не сработало. Марина взглянула на меня так, как смотрит строгая учительница на проштрафившегося школьника. К тому же она носила аккуратные очки в тонкой оправе, что еще больше придавало ей сходство со строгой учительницей. Правда, я догадывался, что стоимость этих очков куда больше учительской зарплаты, но что это меняло.

Пока я изучал строгий профиль помощницы депутата, мы как раз подошли к кабинету Варенникова. Георгий Яковлевич отпер своим ключом дверь, и... оказалось, что это всего лишь депутатская приемная, а сам кабинет заместителя находится за следующей дверью. Рядом с этой дверью, на стене, висел красочный рекламный плакат с портретом самого Георгия Яковлевича, очевидно, оставшийся у депутата со времен прошлой избирательной кампании. Не знаю, как другие, но я считаю, что украшать приемную рекламными плакатами с собственным изображением несколько нескромно. Однако сам Варенников и его помощница, похоже, воспринимали плакат как непреложную часть интерьера. Пока я разглядывал плакат, Марина вслед за нами вошла в приемную и по-хозяйски расположилась за секретарским столом, а Варенников толкнул внутреннюю дверь (она не запиралась на ключ) и жестом пригласил меня в свой кабинет.

– Только давайте, Артем Васильевич, покороче, – обратился ко мне депутат, заняв место за рабочим столом. – У меня совершенно нет времени. Сразу столько дел навалилось. Я же заместитель председателя комитета, – напомнил он мне. – Поэтому те вопросы, которые не успел проработать Владимир Борисович, легли на меня. Спасибо Марине, она меня очень выручает. Вот и все заботы по организации похорон Владимира Борисовича взяла на себя.

«А это уж, Георгий Яковлевич, как получится», – подумал я про себя, прежде чем задать первый вопрос. В таком деле, как расследование, мелочей не бывает, и я не собирался прекращать беседу до тех пор, пока не получу ответы на все интересующие меня вопросы...

Собственно, сама беседа дала немного. Я узнал, что в последнее время экологический комитет главным образом интересовали вопросы радиационной безопасности. А у его председателя Владимира Борисовича Симонова на ближайшие дни даже была запланирована поездка по регионам, в ходе которой он собирался посетить места хранения и переработки радиоактивных отходов. В общем, обычная депутатская работа. Никакого намека на криминал или даже касательства к нему я в деятельности Симонова не обнаружил. Поэтому было тем более странно, как вел себя зам погибшего председателя при ответах на мои вопросы. Так, например, отвечая на вопрос о предстоящей поездке Симонова, Варенников страшно занервничал и начал беспрестанно тереть ладони. По-моему, они у него даже вспотели. А ведь я всего лишь спросил, состоится ли теперь эта поездка и кто в нее отправится вместо Симонова. Когда же я поинтересовался, известно ли было Георгию Яковлевичу о том, что в начале мая Симонов переехал на загородную дачу, он страшно побледнел и понес что-то о жуткой загруженности делами в последние дни. К чему он все это начал рассказывать, я так и не успел понять, так как в этот момент в кабинет заглянула Марина и объявила Варенникову, что его срочно просил зайти руководитель депутатской группы. Тот, как по команде, замолчал и, поспешно извинившись, быстро вышел из кабинета. Не успел я и глазом моргнуть, как остался в депутатском кабинете один.

Сопровождаемый пристальным взглядом «строгой учительницы» Марины, я встал со стула, на котором сидел. На столе Варенникова, прямо передо мной, стоял письменный прибор с часами и калькулятором, а также отделением для визитных карточек. Я вытащил ближний ко мне картонный прямоугольник. «Депутат Государственной думы Варенников Георгий Яковлевич. Комитет по экологии», – прочитал я. Ниже следовали номера трех телефонов, один из которых был мобильным. Что ж, если разговоры по мобильному телефону оплачиваются за государственный счет, почему бы не указать его на своей визитной карточке. Марине, по-

моему, не понравилось, что я взял визитную карточку ее шефа, тем не менее я опустил визитку к себе в карман.

– Без Георгия Яковлевича я не имею права впускать кого бы то ни было в его кабинет, – тут же объявила мне депутатская помощница, очевидно, из опасений, что я стяну еще что-нибудь.

Пришлось выйти в приемную.

Воспользовавшись тем обстоятельством, что на этот раз Марина своего шефа не сопровождала, а, взяв на себя обязанности его секретарши, осталась в депутатской приемной, я попробовал разговорить ее. Увы – все мои попытки оказались напрасны. Даже в отсутствие шефа Марина осталась все той же «строгой учительницей» и сразу заявила мне, что с Владимиром Борисовичем Симоновым никогда не работала, поэтому сказать о нем ничего не может.

После безуспешных попыток пообщаться с помощницей Варенникова я вернулся в кабинет председателя комитета по экологии. За время моего недолгого отсутствия там мало что изменилось. Все так же толпились люди. Тех, кто уходил, сменяли другие. Разговоры велись в основном о нелепой смерти Симонова и о том, кто теперь займет пост председателя. Все члены экологического комитета, с которыми мне удалось пообщаться, однозначно склонялись к мысли, что теперь должность председателя займет заместитель Симонова – Варенников. Узнал я и о том, что в поездку по регионам вместо Симонова тоже отправится его зам.

Странно, а ведь в беседе со мной Варенников сказал, что все вопросы, связанные с запланированной поездкой на объекты хранения радиоактивных отходов, еще предстоит решать на заседаниях экологического комитета. Что это – присущая Георгию Яковлевичу скромность? Судя по рекламному плакату в его приемной – вряд ли. Нет, Варенников умолчал о своем участии в предстоящей инспекционной поездке отнюдь не из скромности, а из каких-то иных соображений. Да еще эта непонятная нервозность во время разговора. Покидая здание Государственной думы, я уже точно знал, чем займусь в ближайшее время – постараюсь собрать как можно больше информации о депутате Варенникове. Что и говорить, зам погибшего председателя оказался весьма подозрительным типом.

Глава 7

БЕРШ

11.05, пятница, 20.45

Начальник службы безопасности сидел за закругленным, напоминающим полумесяц письменным столом в своем рабочем кабинете. В отличие от других высших должностных лиц корпорации Берш сам устанавливал для себя время рабочего дня. Обычно он не засиживался в офисе допоздна, но при необходимости мог задержаться. Сейчас был именно такой случай. Напротив руководителя службы безопасности, по другую сторону стола, стояла молодая женщина с аккуратной прической каре и в изящных очках на интеллигентном лице.

– Как долго они общались? – задал Берш очередной вопрос.

– Около двадцати минут, – без запинки ответила та.

Кроме руководителя службы безопасности «Промэкса» и его посетительницы, в кабинете никого не было. Пустовал и головной офис корпорации. Только в холле перед лифтами дежурили двое охранников да еще двое – за пультом сигнализации в комнате охраны. Но подобранные Бершем люди умели хранить язык за зубами, поэтому начальник службы безопасности был уверен, что о визите поздней гостьи больше никто не узнает.

«Около двадцати минут, – мысленно повторил Берш. – Разведчик должен называть точное время. Надо быть к Марине снисходительнее, – тут же одернул он самого себя. – Она не профессионал, но тем не менее блестяще справляется со всеми поручениями».

– Георгий Яковлевич не мог ему отказать, так как тот пришел после звонка своего начальника, – добавила к своим словам Марина. – Вот, я записала. – Женщина достала из своей сумочки изящный блокнот. – Варенникову звонил Чернышов Павел Андреевич – полковник ФСБ, начальник оперативной группы Управления по борьбе с терроризмом.

«По телефону можно назваться любым именем, – подумал Берш. – Хотя какой смысл звонившему лгать, если пришедший после его звонка человек предъявил служебное удостоверение капитана ФСБ, судя по всему, подлинное?» За размышлениями профессиональный разведчик никогда не забывал учить своих агентов. Вот и в этот раз, выслушав последний ответ женщины, сказал:

– Такие вещи, Марина, как фамилии и должности выходящих с вами на контакт сотрудников ФСБ, следует держать в голове, а не записывать в блокноты.

– Я же стенографирую, Петр Вениаминович. – Женщина показала Бершу свой испещренный закорючками блокнот. – Мало кто сможет разобрать эти записи. И потом, что плохого в том, что помощница депутата записала фамилию и должность человека, с которым пришлось общаться ее шефу?

Берш улыбнулся в ответ:

– Ты записываешь фамилию и должность каждого, кто звонит твоему шефу в течение дня?

– Нет. – Марина отрицательно покачала головой.

– Вот. – Улыбка на лице руководителя службы безопасности «Промэкса» стала еще шире. – Просто есть определенные правила конспирации, и их следует соблюдать. У тебя же прекрасная память, Мариночка, в чем я уже не раз имел возможность убедиться.

– Я все поняла, Петр Вениаминович, – ответила Марина и в доказательство спрятала блокнот обратно в сумочку.

– Вот и отлично, – кивнул Берш и задал новый вопрос: – Пленка у тебя с собой?

– Конечно, Петр Вениаминович. – Женщина извлекла из сумочки миниатюрную видеокассету и положила ее на стол. – Здесь весь разговор от начала и до конца.

– Твое мнение о беседе? – спросил Берш, забирая кассету со стола и перекладывая ее в один из ящиков.

– Я не присутствовала в кабинете Георгия Яковлевича, – осторожно ответила Марина. – Тем не менее у меня сложилось впечатление, что Георгий Яковлевич очень испугался, особенно когда Ветров спросил, известно ли ему, что Симонов со своей семьей проживал на даче. Мне даже пришлось вмешаться, чтобы дать Георгию Яковлевичу повод не отвечать на этот вопрос.

– Ну, Георгий Яковлевич – паникер известный, – вновь улыбнулся Берш. – К тому же он тяжело переживает смерть своего коллеги.

Своей непринужденной улыбкой Берш постарался создать у женщины впечатление, что испуг ее патрона лишен всякого основания, хотя в действительности это было далеко не так. Страх депутата был вполне обоснован, так как именно он сообщил начальнику службы безопасности «Промэкса» о переезде Симонова на загородную дачу. «Фактически Варенников такой же соучастник убийства, как Шон – непосредственный его исполнитель, – мысленно усмехнулся Берш. – Вот только сам факт убийства недоказуем, а следовательно, нет ни убийц, ни соучастников».

– А как ты находишь сотрудника ФСБ, который с ним беседовал? – сменил Берш тему разговора.

– Оперуполномоченный Управления по борьбе с терроризмом капитан Ветров Артем Васильевич, – назвала по памяти Марина. – Он старается выглядеть таким простачком и балагуром, но на самом деле это не так. У него очень цепкий и пристальный взгляд. Даже когда шутит и улыбается, его глаза остаются очень внимательными. Я уверена, что во время разговора с Георгием Яковлевичем он заметил его испуг.

«В таком случае мне тоже следует внимательнее присмотреться к этому остроглазику», – мысленно отметил руководитель службы безопасности. У Берша больше не было вопросов к Марине, и он перешел к следующей части встречи с агентом – инструктажу:

– В понедельник на заседании экологического комитета Георгий Яковлевич выступит с предложением изменить маршрут инспекционной поездки, вернее, дополнить его посещением еще одного объекта, – объявил Берш. – Речь идет об Арзамасском механосборочном заводе. Это предложение не должно вызвать возражений у членов комитета. На АМСЗ тоже работают с радиоактивными материалами. Поэтому посещение завода вполне соответствует целям поездки. Однако мне необходимо знать реакцию участников заседания на предложение Георгия Яковлевича. Завтра перед заседанием комитета выступишь с нашим техником. Он передаст тебе видеокамеру скрытого ношения и диктофон.

При последних словах руководителя службы безопасности «Промэкса» женщина улыбнулась. Записывающие устройства, а также выносные микрофоны, объектив видеокамеры и вся сбруя соединительных проводов закреплялись на теле полосками лейкопластыря. Причем самостоятельно проделать эту процедуру было совершенно невозможно. Марина представила, как ей придется раздеваться перед сотрудником отдела технической безопасности, – именно эта мысль и вызвала у молодой женщины улыбку. Но Берш оставил ее улыбку без внимания. Закончив инструктаж, он отпустил женщину и достал из ящика полученную от нее видеокассету. Для просмотра таких мини-кассет в комнате отдыха руководителя службы безопасности имелась специальная аппаратура. Берш прошел туда и, вставив кассету в видеоплеер, включил воспроизведение. На экране монитора возникло изображение уже знакомого Бершу депутатского кабинета. В кадре появились двое мужчин. В одном из них Берш узнал депутата Вареникова, второго видел впервые. Именно на нем он и сосредоточил свое внимание...

Видеозапись закончилась через девятнадцать минут. «Марина оказалась довольно точна при подсчете времени, – подумал Берш, выключая видеоплеер. – Не ошиблась она и в характеристике фээсбэшника. Этот парень, безусловно, наблюдателен. Он может представлять опас-

ность. Чтобы оценить ее, мне нужно знать о нем больше. Ну и о его начальнике, разумеется, тоже».

Глава 8

ВЕТРОВ: «ТАЙНЫ ПОЛИТТЕХНОЛОГИИ»

12.05, суббота, 11.30

Среди представителей известных мне профессий наиболее охотно идут на контакт с нашей службой журналисты. Но с этой публикой приходится держать ухо востро. Так как шустрые парни и еще более нагловатые девицы из журналистской братии постоянно норовят урвать у тебя побольше информации, при этом ничего не давая взамен. В этом смысле Гена Сысоев – корреспондент скандально известной газеты «Совершенно конкретно» – типичный представитель молодого поколения журналистов. С Геной мы познакомились в прошлом году, во время командировки нашей опергруппы в Чечню. Сысоев, не получив аккредитации, пытался проникнуть в район боевых действий, за что и был задержан военными. Командование намеревалось вообще удалить журналиста из Чечни, но за Сысоева вступился полковник Чернышов. С его помощью Гена все же получил желанную аккредитацию. Понятно, что за такую поддержку мы надеялись на ответные услуги, но не тут-то было. По возвращении в Москву Гена сделал вид, что ничего не знает о якобы произошедшем с ним в Чечне инциденте. Пришлось всю работу с журналистом строить, как и с прочими его коллегами: информация – за информацию. Не знаю, кто от этого обмена выиграл больше, но подозреваю, что Генка. Потому что он строил публикацию за публикацией, соответственно получая за них гонорары, а мы всего лишь по крохам накапливали оперативные материалы. Но все же кой-какая польза от Генки была. В подводных течениях российской политики он чувствовал себя как рыба в воде. Поэтому, когда мне потребовалось собрать информацию о депутате Варенникове, я в первую очередь подумал о Генке Сысоеве.

Несмотря на все мои попытки, накануне найти журналиста мне не удалось. В Генкиной редакции с неизменным постоянством отвечали, что не знают, где находится Сысоев, и уж тем более неизвестно, когда он появится на рабочем месте и появится ли вообще. После очередного моего звонка в редакцию газеты «Совершенно конкретно» трубку вообще не сняли, из чего я сделал вывод, что сотрудники редакции, так и не дождавшись своего коллеги, разошлись по домам. Я перезвонил Генке домой, но увы – с тем же результатом. Ответом мне стали длинные непрекращающиеся гудки. Последний звонок Сысоеву на квартиру я сделал уже в двенадцатом часу вечера и услышал все те же длинные гудки...

В субботу я возобновил свои попытки. Помня о Генкиной привычке подолгу спать по утрам, я позвонил ему лишь после десяти. Трубку долго не снимали, но я проявил настойчивость и в конце концов дождался ответа. Ответил мне заспанный женский голос. Признаться, в первый момент я решил, что ошибся номером, но потом все же попросил пригласить к телефону Сысоева.

– Кого? – переспросила женщина на другом конце провода.

– Геннадия Сысоева, – уточнил я.

– Ген, не пойму, тебя, что ли, спрашивают, – глухо донеслось из трубки, после чего мне ответил уже знакомый Генкин голос.

– Да? – недовольно спросил он.

– С добрым утром! Вставать пора! – бодро приветствовал я знакомого.

Сысоев сначала ругнулся в трубку по поводу столь раннего звонка. Но затем профессиональное любопытство взяло верх, и он поинтересовался – какого лешего мне, собственно, надо.

– Встретиться со старым другом! – бодро ответил я. – Как предлагается в рекламе пива «Золотая бочка».

– Вообще-то после вчерашнего мне как раз надо пивка попить. Для поправки здоровья, – уточнил Гена. – Ну так где пересечемся?

Я предложил одно из известных мне летних кафе, где цены на пиво были вполне приемлемыми.

– Ладно, подгребай часам к одиннадцати, – вяло ответил Генка. – Нет, лучше к половине двенадцатого.

И вот мы сидим с Генкой за столиком летнего кафе, Сысоев смотрит на меня уничтожающим взглядом и говорит, энергично размахивая руками:

– Старик! Ну какого лешего ты назвал меня по телефону Сысоевым?! Ты же знаешь, что я публикуюсь под псевдонимом Назаров! Назаров! – еще раз повторил он. – Теперь эта бикса думает, что я ей лапшу на уши вешал. Она же была уверена, что познакомилась с известным журналистом!

– Так ты и есть известный журналист, – польстил я Генкиному самолюбию.

– Но Назаров, а не Сысоев! – воскликнул он.

– Ну извини, – улыбнулся я.

– Ладно, проехали, – махнул рукой Генка. – Что у тебя?

Меня всегда поражала его манера мгновенно менять тему разговора. В первый момент я даже растерялся, что же такое ему ответить, и решил честно спросить:

– Депутата Варенникова из думского комитета по экологии знаешь?

Сысоев тут же отставил в сторону бокал с пивом, наклонился ко мне через столик и заговорщически спросил:

– Значит, смерть Симонова – это не несчастный случай и ты ведешь это дело, так?

Ого! Оказывается, мой знакомый держался в курсе событий и мгновенно связал фамилию Варенникова с именем погибшего председателя думского комитета. Подобно корреспондентам всех скандальных газет, Генка Сысоев был падок на сенсации. И если уж я хотел получить от Генки нужную информацию, то разубеждать его в собственных предположениях, конечно, не следовало.

– Пока еще ничего до конца не ясно, – обтекаемо ответил я. – Но могу тебе пообещать – когда ясность появится, ты об этом узнаешь первым.

– Ага, и в ответ ты хочешь получить у меня информацию о заместителе Симонова – Георгии Варенникове?

Надо отдать Сысоеву должное, суть разговора он схватывает на лету. Правда, это проявляется только в тех случаях, когда он видит собственную выгоду. Очевидно, сейчас был именно такой случай, потому что Генка сказал:

– Ладно, договорились, расскажу тебе все, что мне известно, но не забывай – с тебя материал для статьи!

Вот так! С меня, оказывается, уже требуется материал. Но это дело будущего, в данный же момент я просто кивнул. Заручившись моим молчаливым согласием, Сысоев заговорил:

– Варенников избирался по одномандатному округу. Уже в Думе примкнул к правоцентристской депутатской группе и вошел в комитет по экологии.

Генка замолчал и посмотрел на меня, ожидая одобрения. Я был глубоко разочарован. Если это все, что он собирался мне сообщить, то не стоило даже встречаться.

– Ну а личные качества, интересы, увлечения? – попробовал я навести Генку на новую мысль.

– Да какие там личные качества! – Журналист пренебрежительно махнул рукой. – Варенников же ноль без палочки, серая личность, никакой самостоятельной позиции. За все время работы в Госдуме он не выступил ни с одной инициативой и самостоятельно не принял ни одного решения. Правда, Варенников – хороший исполнитель, но это максимум того, на

что он способен. Кстати, Симонов выбрал Варенникова своим заместителем только потому, что не видел в нем конкурента.

– Как же такой посредственный, по твоим словам, человек мог стать депутатом? – удивился я.

– А ты что, не понял? Я же сказал, Варенников прошел в Думу по одномандатному округу. – Сысоеву было приятно чувствовать интеллектуальное превосходство. Наверное, в этот момент я представлялся ему старательным, но бездарным учеником. И он, как опытный учитель, начал объяснять: – Победу на выборах в одномандатных округах определяют отнюдь не личностные качества кандидатов в депутаты, а старания нанятых ими политтехнологов. Проще говоря, деньги, вложенные кандидатами в их избирательную кампанию. А в Варенникова вложили такие бабки! – Генка многозначительно пощелкал языком. – Он просто физически не мог проиграть.

– И кто же вложил в него эти деньги? – тут же спросил я.

– Кто-кто? – передразнил меня Генка. – Тот, кто хотел видеть Георгия Яковлевича своим карманным депутатом.

Я продолжал смотреть на Генку вопросительным взглядом, которого он в конце концов не выдержал и сказал:

– Ладно, помогу тебе. Знаю я в Москве одну конторку имиджмейкеров, хорошие ребята. Я одно время у них даже подрабатывал, писал по заказу разгромные статьи. – Кого именно он громил в своих разоблачительных публикациях, Генка не сообщил, зато выдал весьма ценную информацию: – В прошлую избирательную кампанию ребята работали на кандидата, который баллотировался в Думу по тому же избирательному округу, что и Варенников. Так что у них на всех конкурентов своего кандидата наверняка собран обширный компромат.

Меня интересовал не компромат, а объективная информация, но разубеждать Сысоева я не стал. Как многие обыватели, Генка искренне считал, что сотрудники ФСБ занимаются исключительно сбором компромата на своих сограждан. И разубедить его в этом заблуждении было решительно невозможно.

По пути в контору, оказывающую консультационные услуги политикам и людям, только стремящимся стать таковыми, Генка инструктировал меня:

– Ни в коем случае не говори, что ты опер ФСБ, иначе с тобой, да и со мной тоже там никто даже разговаривать не будет. Запомни – ты стажер нашей газеты, а я твой руководитель. – Сысоев осмотрел меня критическим взглядом и добавил: – Правда, староват ты для стажера. Да и вид у тебя глуповатый. Но ничего, сойдет.

Так, выслушивая Генкины нотации по поводу моего не очень умного вида, мы наконец добрались до имиджмейкерской фирмы. В офисе, куда привел меня Сысоев, нас встретили три человека: двое мужчин моего возраста и женщина, которой можно было с одинаковой вероятностью дать и двадцать, и двадцать пять, и тридцать лет. Среди трех имиджмейкеров ее собственный вид был, безусловно, самым колоритным. На ней были черные кожаные брюки-клеш, длинный черный кожаный пиджак, свои коротко подстриженные волосы она покрасила в такой же абсолютно черный свет, а глаза прятала за стеклами темных очков, разумеется, в такой же черной оправе. Любовь женщины к черному цвету и изделиям из кожи настолько бросалась в глаза, что я тут же предположил, что и белье она носит тоже кожаное и непременно черное.

Пока я рассматривал женщину в черном, Генка быстро обошел контору, с мужчинами поздоровался за руку, а поразившую меня незнакомку чмокнул в щеку.

– Вот, коллегу привел, – махнул он рукой в мою сторону и опять без всякого перехода сказал: – Про Симонова слышали? Варенников теперь точно в гору пойдет.

– Да уж, повезло проходимцу, – заметил в сердцах один из имиджмейкеров.

– Почему проходимцу? – тут же спросил я.

– Да потому что он проходимец и есть! – последовал ответ. – Всю жизнь возглавлял партком в НИИ расщепления ядерных материалов. Собственных научных заслуг – ноль. А поди ж ты, кандидат физико-математических наук. На партийных собраниях, понятно, демагогии научился, вот руководству «Промэкса» и приглянулся. А с деньгами «Промэкса» чего ж в Думу не попасть.

В словах имиджмейкера явно присутствовала обида и зависть к более удачливому участнику избирательной кампании, поэтому их нельзя было огульно принимать на веру. Но в этих словах прозвучало новое слово, и я на него сразу же среагировал:

– А что такое «Промэкс»?

Все присутствующие, включая и Генку Сысоева, посмотрели на меня как на идиота. Потом все тот же имиджмейкер, наверное руководитель этой конторы, сказал:

– «Промэкс» – это нефть, это уголь, это алюминий и другие цветные металлы. Это собственный банк и целый медиахолдинг. Это представительства в Европе, Азии и Америке. Одно слово – финансово-промышленная группа.

Глава 9

БЕРШ

12.05, суббота, 17.40

Презентация не отличалась от всех прочих аналогичных мероприятий. Букеты искусственных цветов, гирлянды разноцветных надувных шаров, строгие, большей частью темные костюмы мужчин и, наоборот, яркие наряды женщин, благоухание дорогой туалетной воды и блеск бриллиантов на мужских зажимах для галстуков и женских серьгах, брошах, кулонах и браслетах. После окончания официальной части организаторы презентации и гости прошли к установленным в виде огромной буквы «П» богато накрытым столам. Петр Вениаминович Берш в числе прочих тоже подошел к столу, но наесться, а тем более напиться он не собирался. Начальник службы безопасности корпорации «Промэкс» приехал на презентацию вовсе не для этого. В равной степени ему были безразличны как сама фирма, устроившая презентацию, так и проект, который она представляла. Но на презентации Берш надеялся встретить человека, которого он очень хотел увидеть. От его ответов на интересующие Берша вопросы во многом зависел исход последней разработки службы безопасности «Промэкса», да и судьба всей корпорации, а следовательно, и судьба самого Петра Берша.

Вот уже в течение сорока минут Берш внимательно рассматривал приглашенных, пытаясь найти среди них интересующего человека, но пока безрезультатно. Рядом с ним, о чем-то переговариваясь, прошли две молодые девушки в длинных, облегающих платьях с разрезом почти до талии. «Профессионалки, – определил наметанным глазом Берш. – Судя по всему, девочки приехали сюда без кавалеров в надежде снять богатых клиентов». Проститутки Берша не интересовали, и он сразу переключил внимание на других гостей. Справа в десяти метрах несколько знакомых лиц – чиновники из аппарата московского правительства. Так, кто там за ними... Берш напрягся, узнав знакомую фигуру. Этот широкий разворот плеч и коротко, но модно подстриженный затылок он узнал практически сразу. Мужчина тут же почувствовал обращенный на себя чей-то пристальный взгляд и медленно обернулся. Он был в черном смокинге, в элегантных очках в тонкой золотой оправе. Сейчас эти очки делали его похожим на западного бизнесмена, но обмануть Берша они никак не могли.

Шон! По телу начальника службы безопасности пробежала легкая дрожь. Шон лишь на мгновение задержал взгляд на лице Берша и перевел его дальше, сделав вид, что не узнал бывшего куратора из Службы внешней разведки. Вместо легкой дрожи на Берша обрушилась волна настоящего страха, окатившая его с головы до ног. «Что, если Шон оказался здесь по мою душу?! Что мешает ему проделать со мной то же самое, что он уже неоднократно проделывал с другими?! Ничего! За хорошие деньги он сделает это без колебаний. Наше личное знакомство в таком деле не имеет никакого значения. Скорее наоборот, Шону даже на руку убрать свидетеля предыдущих ликвидаций».

– Петр! И ты здесь! Вот так встреча!

Берш обернулся. Перед ним стоял человек, которого он тщетно разыскивал на презентации, – бывший сослуживец еще со времени работы в Комитете госбезопасности, а ныне директор детективного агентства «Глобус» Александр Юдин. Берш изобразил радостное удивление и первым протянул руку.

– Действительно, не чаял здесь встретить старого друга.

Поздоровавшись со своим давним знакомым, Берш скосил глаза в сторону, где только что видел Шона, но профессиональный убийца уже растворился в толпе.

– Сколько же мы не виделись? – попытался вспомнить Юдин.

Во время службы Берш и Юдин никогда не были друзьями, работали в разных управлениях и общались крайне редко. Берш служил в ПГУ,³ потом в СВР, Юдин – во втором главке, оттуда перешел в Московское управление, а после очередной реорганизации службы безопасности в 93-м году вообще ушел в частный сыск, основав собственное детективное агентство. Однако прошлая совместная служба сильно сближает, и сейчас Берш и Юдин встретились как старые приятели.

– Ты здесь в качестве гостя? – спросил Берш, проигнорировав предыдущий вопрос.

– Почетного гостя, – поправил его Юдин. – Их фирма, – он кивнул в сторону организаторов презентации, – давний клиент моего агентства. Вот они и приглашают меня на каждое свое торжество.

– Ну, я вижу, ты неплохо устроился, – заметил Берш.

– Не жалуюсь, – широко улыбнулся Юдин. С этими словами он вынул из нагрудного кармана визитную карточку и протянул ее Бершу. – Мой «Глобус» широко известен в деловых кругах. У нас большой опыт работы с финансовыми и промышленными китами, такими, как «Зарубежнефть». Мы проверяем надежность и состоятельность партнеров, занимаемся сбором и защитой информации, выполняем и множество других функций. Среди моих сотрудников много наших бывших коллег. Зря ты, Петр, не пошел к нам специалистом по международным связям, когда я тебя звал. Это направление сейчас очень перспективно. Детективы, работающие на этой линии, зарабатывают большие деньги.

– Спасибо, меня вполне устраивает должность начальника службы безопасности в торгово-закупочной фирме, – ответил Берш, сдержав готовую появиться улыбку. На ту долю акций, которые он имел в корпорации «Промэкс», можно было купить десяток таких детективных агентств, как «Глобус», но начальник службы безопасности решил об этом тактично умолчать.

– Кстати, насчет работы, – якобы неожиданно вспомнил Берш. – Я тут случайно узнал, что из УБТ⁴ собирается увольняться молодой парень – Артем Ветров, капитан и вроде бы хороший опер. Не знаешь такого?

– Отлично знаю. Он же у нас в Московском управлении служил. Действительно, парень толковый, но на службе немного заикленный, романтик и идеалист. Помнится, у него несколько лет назад какой-то конфликт с начальством случился и он еще тогда собирался увольняться. Я его даже к себе в «Глобус» собирался пригласить, жаль, не успел. Его к себе в опергруппу полковник Чернышов из УБТ переманил. Значит, Ветров и с ним не работался... – размышляя вслух, закончил Юдин.

– Полковник Чернышов? – переспросил Берш. – Вроде бы знакомая фамилия.

– Еще бы! – усмехнулся Юдин. – О нем в нашей бывшей конторе легенды ходят. Помнишь стрельбу на Манежной и взрыв на Тверской весной прошлого года, когда ФСБ международного террориста накрыла? Между прочим, Чернышова разработка. Говорят, он лично руководил всей операцией и даже участвовал в задержании. Еще в его активе перекрытый канал поставки оружия чеченским боевикам и несколько предотвращенных террористических актов по России.

Об упомянутых Юдиным событиях Берш прекрасно помнил. О стрельбе на Манежной и взрыве на Тверской в свое время шумели все средства массовой информации. Но взрыв и стрельба не затрагивали интересы корпорации, поэтому он быстро выкинул их из головы. И вот оказалось, что к этим событиям имеет самое непосредственное отношение человек, который в данный момент стоит у корпорации на пути. Берш очень пожалел, что вовремя не навел справки об этом человеке. Сейчас же нужную информацию приходится собирать по крупицам.

³ ПГУ – Первое главное управление КГБ СССР, впоследствии Служба внешней разведки России.

⁴ УБТ – Управление по борьбе с терроризмом.

Петр Берш перебросился с Юдиным еще парой ничего не значащих фраз, потом Юдина отвлек кто-то из других гостей, и Берш, воспользовавшись случаем, быстро попрощался с бывшим коллегой и поспешил исчезнуть с презентации. Где-то среди гостей расхаживал наемный убийца, и это обстоятельство отнюдь не успокаивало Берша и не поднимало ему настроения. Тем не менее он вполне благополучно вышел из зала и добрался до оставленного на охраняемой стоянке автомобиля. Но окончательно успокоился Берш только тогда, когда прибыл в офис и заперся в своем кабинете.

* * *

«Необходимо как-то выяснить, по чью душу приходил туда Шон, иначе я просто не смогу спать спокойно», – отстраненно подумал Берш, включая компьютер. Перед выходом в отставку полковник Берш немало потрудился, создавая информационную базу данных о своих прежних коллегах. И сейчас в компьютере Берша хранилась информация о руководителях всех структурных подразделений ФСБ и внешней разведки, а также сведения об их наиболее известных сотрудниках. Берш зашел в раздел «Управление по борьбе с терроризмом ФСБ России». В начале раздела шла информация о начальнике управления генерал-майоре Локтионове. Бегло прочитав ее, Берш спустился вниз по разделу. Экран еще несколько раз мигнул, пропуская очередную компьютерную страницу, и на глаза Бершу попался выделенный жирным шрифтом подзаголовок «Чернышов Павел Андреевич – начальник оперативной группы, полковник». Ниже имелся компьютерный вариант фотографии, но не сканированный с обычного фотоснимка, а взятый из какой-то видеозаписи. Тем не менее изображенный на фотографии мужчина получился вполне узнаваемым. К фотографии прилагался и текст размером на пол-экрана.

«Серьезный противник, – заключил Берш, дочитав текст. Предотвращенные теракты, перекрытый канал поставки оружия боевикам, захват международного террориста весной прошлого года, вспомнил он слова Юдина. – Надо же, сам участвовал в задержании. Обычно руководители операций не склонны к личному героизму, а тут... У этого Чернышова ничего нет за душой, – сам собой пришел вывод. – Бессребреник гребаный! Человек, которому есть что беречь, не бросится грудью на пулеметную амбразуру. Значит, крышу не предоставляет, протекцию никому не оказывает и иных доходов, кроме зарплаты, не имеет. Принципиальный. – Последний вывод крайне опечалил Берша. – С таким типом невозможно договориться. Только валить». Щелкнув клавишей «мыши», Берш вернулся на один экран назад и уперся взглядом в фотографию Чернышова.

«Возможно, мои опасения напрасны, – попытался он себя успокоить. – И интерес оперативников ФСБ к Варенникову не более чем формальность. Но Шон сработал чисто, поэтому фээсбэшникам никогда не докопаться до истинных причин автокатастрофы и уж тем более – не установить мотивов ликвидации Симонова». Однако внешность человека с фотографии, свидетельствующая о его недюжинном уме и воле, упорстве, презрении к опасности и привычке идти до конца, заставила Берша пересмотреть ход своих мыслей.

«Нет, – сказал себе бывший разведчик, пристально разглядывая фотографию Чернышова. – Если этот полковник вцепится, то уже не отпустит и не успокоится, пока не подтвердит возникшие у него подозрения или не опровергнет их. Сейчас, когда разработка в самом разгаре, любой интерес спецслужб весьма нехоти. Разработку необходимо форсировать, пока фээсбэшники не докопались до сути вещей». Придя к такому выводу, Берш тут же снял трубку и набрал номер своего ближайшего помощника Артура Губанова.

Берш знал Губанова еще со времен совместной службы в СВР. Из всех сотрудников возглавляемого им отдела именно к Артуру Губанову Берш испытывал наибольшее расположе-

ние. Дело тут было вовсе не в высоких профессиональных качествах Губанова. Кроме него, в отделе Берша работало немало способных сотрудников, но только Губанов из каждой зарубежной командировки привозил начальнику не просто ценные, а весьма дорогие подарки. Артур делал это без всякого напоминания, причем преподносил дары настолько естественно, что даже такой опытный агентурист, как Берш, и то порой поражался «абсолютной искренности» своего подчиненного. Ответная реакция Берша не замедлила сказаться. Губанов начал летать в загранкомандировки гораздо чаще коллег, а через год службы в отделе Берша стал самым доверенным сотрудником своего шефа. Только ему Берш поручал особые задания, которые не находили отражения в официальных командировочных предписаниях. Артур Губанов быстро разобрался, какие задания являются основными, а какие легендой, и при выполнении личных поручений Берша прилагал куда больше стараний, чем при работе по официальным заданиям. С выходом Берша в отставку профессиональная карьера его любимчика затормозилась. Слишком многие в департаменте научно-технической разведки завидовали привилегированному положению Губанова. Однако Берш не оставил своего фаворита и охотно взял его в службу безопасности «Промэкса» на должность своего заместителя. Так бывший начальник отдела СВР и его подчиненный вновь оказались вместе, о чем ни тот ни другой нисколько не жалели...

В трубке раздавались продолжительные гудки. После очередного гудка Берш сообразил, что от волнения набрал внутренний номер. В выходной день подчиненный на рабочем месте, разумеется, отсутствовал, и Берш перезвонил Губанову на мобильник. На этот раз пауза длилась недолго, Артур ответил уже после второго сигнала. Чувствительная трубка донесла до Берша музыку и оживленные голоса. Губанов был явно не один, а с веселой компанией.

– Отдыхаешь? – поинтересовался Берш.

Несмотря на бодрый голос начальника, Артур уловил тщательно скрываемое недовольство и поспешил с объяснениями:

– У приятеля день рождения. Вот и собрались небольшой компанией.

– Придется прерваться, – объявил Берш. – Через полчаса я жду тебя в офисе.

Берша не заботило, где в данный момент находится его сотрудник и успеет ли он явиться к назначенному сроку. Начальник службы безопасности просто отдавал приказание, и через тридцать минут Артур Губанов действительно появился в его кабинете.

– Ты подобрал людей для поездки в Арзамас? – сразу спросил Берш.

– Так точно. Заварзин, Овчаренко и Туманов, – без запинки назвал Губанов фамилии трех боевиков «Промэкса».

Берш одобрительно кивнул. Все названные были ему хорошо известны. До прихода в «Промэкс» каждый из них успел послужить в силовых структурах. Поэтому все имели соответствующий опыт и подготовку. Позже уже в качестве сотрудников службы безопасности корпорации не раз участвовали в острых акциях.

– Сегодня же свяжись с ними, – приказал Берш Губанову. – Завтра утром вы все должны сдать в «отдел обеспечения» свои фотографии для паспортов, чтобы к вечеру документы были уже готовы.

В структуре корпорации «Промэкс» существовала служба материально-технического обеспечения, но названный Бершем отдел не имел к ней никакого отношения. Под таким обезличенным именем скрывалось самое секретное подразделение корпорации. Это было детище Берша, и сам факт существования «отдела обеспечения» был известен только ему, Губанову да шести сотрудникам отдела. Именно здесь хранились технические средства и снаряжение для оперативно-разыскной деятельности, запрещенные российским законодательством к применению помимо специально оговоренных в законе структур, таких, как МВД, ФСБ, ФСО и Федеральная служба налоговой полиции. Однако отнюдь не склад шпионской аппаратуры составлял гордость Берша, а две лаборатории, входящие в состав нелегального отдела. В одной из них изготавливались фальшивые документы. Копировальная аппаратура, на которой работали

сотрудники лаборатории, позволяла им воспроизвести документ любой сложности и со всеми заложенными в него степенями защиты. Еще больше Берш гордился второй лабораторией. Здесь по химической формуле, добытой им еще во время службы в разведке, изготавливались яды, не обнаруживаемые в организме жертвы.

Артур Губанов был одним из немногих людей, которым приходилось пользоваться продукцией обеих лабораторий. Поэтому он прекрасно понял смысл последней фразы Берша. Его удивила только срочность приказа.

– Зачем такая спешка? – поинтересовался Губанов.

– Обстоятельства изменились, – не вдаваясь в подробности, ответил Берш. – Вам придется выехать в понедельник. План действий тот же – визуальный контроль за работниками АМСЗ с нескольких наблюдательных позиций. Рядовые сотрудники меня не интересуют, поэтому фотографируйте только тех, кто пользуется служебными и личными автомобилями. Всю необходимую аппаратуру вместе с оружием получите в «отделе обеспечения» непосредственно перед выездом.

– Ясно, Петр Вениаминович. – Наклоном головы Губанов выразил полное понимание задачи. – Разрешите идти?

– Иди.

Берш удовлетворенно откинулся на спинку своего кресла: «Как только будут готовы документы прикрытия, группа наблюдения немедленно отправится в Арзамас-29. Если в понедельник члены думского комитета по экологии одобряют предложение Варенникова, а по-другому просто не должно быть, то через несколько дней депутат сам окажется в закрытом городе. Значит, к концу следующей недели я буду знать обстановку на АМСЗ. И тогда начнется новый этап операции».

Глава 10

ВЕТРОВ: «СЛУЧАЙНОСТЬ И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ»

14.05, понедельник, 11.00

Больше всего я не люблю напрасный труд. Я его просто ненавижу! И мне бывает страшно обидно, когда работа, на которую затрачены время, усилия, воображение и все то, с чем связан труд оперативника, вдруг разом оказывается никому не нужной. Именно это и произошло сегодня, когда, явившись утром на службу, я узнал от Олега Муромцева, что Генеральная прокуратура закрыла дело о гибели депутата Симонова с формулировкой – несчастный случай. Говоря по правде, версия о несчастном случае с самого начала казалась наиболее вероятной, но чего ради я тогда ходил в Госдуму, встречался с коллегами погибшего и его подозрительным замом, а потом еще собирал о нем дополнительную информацию?! Для чего все это?! Чтобы написать несколько рапортов и справок, которые будут храниться в какой-нибудь безымянной папке, а перед очередной проверкой делопроизводства отправятся прямым ходом в печь вместе с остальными ненужными документами. Обидно – по-другому не скажешь.

Чтобы отвлечь себя от невеселых мыслей, я принялся размышлять о странном телефонном звонке. В субботу уже поздно вечером у меня в квартире неожиданно зазвонил телефон. Поздние звонки оперативным работникам – не такая уж большая редкость, однако в этот раз мне звонили вовсе не со службы. В трубке я услышал совершенно незнакомый мне мужской голос. Мужчина поздоровался со мной по имени-отчеству, чем снова озадачил. Мои знакомые обращаются ко мне только по имени. Я уже собирался спросить, с кем это я разговариваю, но собеседник и сам догадался представиться. Оказалось, что мне позвонил Сан Саныч Юдин. Мы с ним вместе служили в Московском управлении нашей конторы, правда, недолго. В 93-м году с двадцатилетней выслугой Юдин вышел в отставку, а меня вскоре взял в свою группу Павел Чернышов. Я, признаться, был несколько обескуражен звонком Юдина, ведь с 93-го года мы с ним не общались. Оказалось, что Сан Санычу не наскучила романтика нашей службы и он основал собственное детективное агентство под названием «Глобус». Каково? Да еще и вздумал пригласить меня к себе на работу. Такого поворота я уж никак не ожидал. Пришлось поблагодарить бывшего коллегу за его предложение и объяснить ему, что пока не собираюсь уходить со службы. Тут уже Юдин здорово удивился и сказал, что не далее как сегодня от одного из своих знакомых услышал совершенно противоположные сведения. Мне, конечно, стало страшно интересно, кто это взялся устраивать мою судьбу, и я напрямую спросил об этом Юдина. Он, по-моему, сначала не хотел говорить, но потом все же признался, что узнал такую новость от какого-то Петра Берша. Забавная фамилия. Юдин тут же добавил, что я его скорее всего не знаю. Еще бы! Уж человека с такой фамилией я бы наверняка запомнил. В итоге я пообещал Сан Санычу, что когда буду действительно искать работу, то в первую очередь позвоню ему, и мы распрощались.

Анализируя сейчас звонок Юдина, я пришел к выводу, что это была чья-то не особенно умная шутка. Вот только непонятно, кого при этом пытались разыграть – его или меня. Так и не найдя иного объяснения случившемуся, я решил поинтересоваться мнением Олега Муромцева, но не успел это сделать. Как раз в тот момент, когда я собирался задать Олегу свой вопрос, у нас в кабинете зазвонил телефон внутренней связи, и Олег поспешно снял трубку.

– Чернышов вызывает, – объявил он мне, выслушав приказ начальника.

– Раз вызывает, пойдем, – вяло ответил я, поднимаясь со стула.

Догадаться о том, зачем мы понадобились начальнику, в общем-то, было нетрудно. Речь могла идти только о тех самых никому не нужных рапортах, описывающих нашу работу по расследованию обстоятельств смерти депутата Симонова.

Кабинет нашего начальника находится через стенку. Поэтому уже через несколько секунд мы предстали перед Чернышовым. Он сидел за столом, как всегда, в безукоризненно отглаженном костюме.

На мой взгляд, элегантно и красиво одеваться в нашем управлении умеют только три человека. Во-первых, это начальник управления генерал-майор Локтионов, во-вторых, начальник нашей опергруппы полковник Чернышов и, наконец, мой лучший друг Олег Муромцев, ну еще, может быть, начальник информационно-аналитического отдела полковник Сергеев. Нет, я не беру в расчет всякие джинсы и свитера, сейчас я говорю о строгих мужских костюмах. Справедливости ради надо отметить, что на генерале Локтионове и Олеге Муромцеве военная форма тоже сидит как влитая, а вот Павел Андреевич Чернышов в военной выправке и умении носить форму им явно проигрывает. Впрочем, я и сам не блещу военной выправкой, а из всей одежды предпочитаю те самые джинсы, рубашки-ковбойки, а вместо пиджаков – джемперы или короткую кожаную куртку.

– Сегодня утром Генеральная прокуратура вынесла постановление о прекращении дела, заведенного по факту смерти депутата Симонова, – объявил нам Чернышов.

Ну вот, так и есть. Сейчас начальник прикажет написать рапорты с отчетами о проделанной работе и сдать ему. На этом в деле о гибели депутата Симонова можно будет поставить точку. Однако вопреки моим ожиданиям Чернышов сказал совсем другое:

– Следователи, работавшие по делу, считают, что депутат и его водитель погибли в результате несчастного случая.

Из сказанного можно было сделать вывод, что сам Чернышов считает иначе. И на этот раз я не ошибся в своем предположении.

– На мой взгляд, Генпрокуратура поспешила с вынесением окончательного заключения. Вывод следователей целиком основан на результатах проведенных экспертиз. Боюсь, как бы такой поспешный вывод не оказался ошибочным, – произнес Чернышов.

– У вас появились оперативные данные о том, что Симонову помогли уйти из жизни?! – не сдержался я.

Вместо ответа Чернышов поднял со стола несколько отпечатанных на компьютере листов, схваченных канцелярской скрепкой, и сказал:

– Вот справка информационно-аналитического отдела, составленная по моей просьбе. Я просил экспертов сравнить смерть депутата Симонова с прочими несчастными случаями с трагическим исходом. Результат оказался совершенно неожиданным. Сегодня утром я уже докладывал генералу, сейчас хочу поделиться своими наблюдениями с вами. Так вот, за последние три года в ряде смертей российских бизнесменов и политиков, погибших в результате несчастных случаев, наблюдается определенная закономерность. Все эти люди погибли в период наиболее активной деятельности.

По нашим лицам Чернышов понял, что мы никак не можем ухватить его мысль, поэтому пояснил:

– Крупный банкир начал активно заниматься возвращением выделенного его банком кредита и вскоре умер от инфаркта. Некий предприниматель, наоборот, набрал многочисленные кредиты на подставную фирму. Потом фирма благополучно разорилась, а сам предприниматель сбежал от своих кредиторов в Испанию, но прожил там недолго. Примерно через месяц после переезда он неожиданно скончался от сердечного приступа. Одна финансово-промышленная группа из Западной Сибири добивалась крупного международного контракта на поставку российского алюминия в Западную Европу, но после смерти ее руководителей, задохнувшихся в бане углекислым газом, вынуждена была уступить контракт другой финансовой группировке. В том же ряду смерть депутата законодательного собрания Санкт-Петербурга, утонувшего этой зимой во время подледной рыбалки. Есть в этом списке еще один погибший

депутат Госдумы, который выпал из окна второго этажа своего недостроенного коттеджа и ударился основанием черепа о груды кирпичей, умер мгновенно.

– Похожий случай произошел с одним нашим медиамагнатом, – вставил Олег Муромцев. – Он отправился на осмотр какого-то скального храма в Таиланде, но сорвался со смотровой площадки и разбился насмерть.

Чернышов сдвинул брови и начал заново листать аналитическую справку.

– Есть такой случай, – объявил он. – Июнь прошлого года?

– Да, кажется, это произошло прошлым летом, – подтвердил Олег.

Всегда чувствуешь себя немного неловко, когда твои товарищи ведут речь о том, о чем тебе неизвестно. Но я мужественно промолчал, а Чернышов тем временем продолжал перечень несчастных случаев среди отечественной финансово-промышленно-политической элиты:

– Крупный эстрадный продюсер умер во время полового акта с одной из своих поп-звезд. Не выдержало сердце. Хотя все, кто знал продюсера, уверяли, что он был здоров как бык. Вице-премьер правительства Москвы проходил курс лечения от остеохондроза и во время одной из физиопроцедур тоже умер от сердечного приступа. – Чернышов сделал паузу, чтобы пролистать бумаги. – И вот последний случай, вернее первый, на который обратили внимание наши аналитики. 1997 год, на даче заместителя министра топлива и энергетики отдыхала его младшая дочь с друзьями. И одна девушка из этой молодежной компании утонула в озере.

– И какое отношение эта погибшая девушка имела к сильным мира сего? – поинтересовался я.

– Да, в общем-то, никакого, – ответил мне Чернышов, – но она была подругой дочери заместителя министра, и он добивался, чтобы расследование обстоятельств гибели девушки было проведено с особой тщательностью. Насколько мне известно, по личной просьбе замминистра к этому делу даже подключались следователи из нашей конторы. Что, кстати, довольно странно. Обычно крупные государственные чиновники очень не любят, когда кто-то из членов их семей попадает в разные уголовные истории, пусть даже в качестве свидетелей, поэтому всеми силами добиваются, чтобы расследование было закончено как можно быстрее. А в этом случае мы имеем скорее обратную картину. Крупный чиновник добивается, чтобы расследование было максимально полным. С чего бы это?

Последний вопрос Чернышова был скорее риторическим, во всяком случае, не требовал от нас с Олегом немедленного ответа. Но меня словно кто-то за язык тянул.

– Все ясно, – сказал я. – Погибшая девушка была внебрачной дочерью заместителя министра.

– Не смешно. Девушка действительно погибла, и твои остроты по этому поводу неуместны, – заметил Чернышов и осуждающе посмотрел на меня.

Под его хмурым взглядом мне стало очень неудобно, и я опустил глаза в пол.

– Как видите, в смерти председателя думского комитета, погибшего практически накануне своей инспекционной поездки по регионам, наблюдается все та же пугающая закономерность, – закончил свою мысль Чернышов.

– Павел Андреевич, так вы считаете, что все эти люди, включая и депутата Симонова, умерли не своей смертью? – напрямую спросил у начальника Олег Муромцев.

Молодец Олег, вовремя задал вопрос. Чернышов сразу переключился на разговор с ним, и мне стало немного легче.

– Что тебе сказать, Олег? Такой вывод напрашивается сам собой. Но по каждому из перечисленных мною фактов было проведено самое тщательное расследование. Во всех случаях вывод следствия однозначен – смерть в результате несчастного случая. Причем по каждому эпизоду, как и в случае с Симоновым и его водителем, вывод следователей подкрепляется заключением экспертизы. Вот. – Чернышов вновь углубился в свои бумаги. – На теле разбившегося на стройке депутата нет никаких иных повреждений, а только травмы, полученные в

результате падения. Все, кто умер в результате остановки сердца... а таких в списке четверо: банкир, сбежавший в Испанию мошенник, эстрадный продюсер и вице-премьер Московского правительства. Так вот, экспертиза не выявила в их организмах следов наркотиков, транквилизаторов или ядов.

– И тем не менее все эти люди умерли от сердечного приступа, – вставил Олег.

– Да. Но они не были отравлены, – согласился с Олегом и одновременно возразил ему Павел Чернышов. – Кто у нас остался? Депутат, провалившийся под лед, утонувшая девушка, разбившийся в Таиланде владелец СМИ и четверо сибирских бизнесменов, угоревших в бане. Если вы хотя бы сумеете придумать способ убийства, инсценирующий все эти несчастные случаи, найдете во мне самого внимательного слушателя.

«Способ убийства, инсценирующий несчастные случаи», – отозвались у меня в голове последние слова Чернышова, а из глубин памяти всплыл рассказ милицейского опера Вовки Суркова. Рассказывая о смерти уголовника по кличке Мурза, Вовка тоже упомянул про инсценировку несчастного случая и еще про какого-то суперкиллера, который якобы работает на ФСБ. В свете новой информации, которую только что сообщил нам полковник Чернышов, недавний Вовкин рассказ уже не казался мне досужими домыслами. А если действительно есть в природе такой суперкиллер? Связан он с нашей конторой или нет – это еще бабушка надвое сказала. Главное в другом. Что, если этот суперпрофессионал как раз и способен замаскировать убийство под несчастный случай? В моей реальной практике такое уже случалось, и не раз. Правда, несчастные случаи, о которых рассказал Чернышов, совершенно не похожи один на другой. И все же – а вдруг? И что я так отмахнулся от Вовкиного рассказа? Мне бы, наоборот, следовало Вовку разговорить, а я его вместо этого пристыдил. Сказал ему, что он слухи распространяет. Пусть даже и слухи! В нашем деле информация так и собирается. Один что-то сказал, другой, потом проверили фактики, они и подтвердились. Да, лопухнулся я тогда хуже некуда. С Вовкой нужно как можно скорее увидеться и расспросить его обо всем подробно.

– Павел Андреевич, так мы как, будем искать причину выявленной вами закономерности? – спросил я у Чернышова.

– Будем. Генерал уже санкционировал эту работу, – объявил Чернышов. – Я, как и ты, в случайности слабо верю, – добавил он. – А для начала попробуем выяснить, кому смерть всех этих людей была выгодна.

«Неконтролируемая случайность – причина аборт», – хотел в ответ сказать я, но вовремя сдержался. Что-то у меня сегодня вместо шуток одна чернуха и пошлость получается. Наверное, старею. Я понял, что мне пора заканчивать упражняться в остроумии и наконец заняться делом.

– Павел Андреевич, тогда по этому делу мне срочно надо одну информашку проверить, – сказал я Чернышову и быстро вышел из его кабинета.

Глава 11

ВЕТРОВ: «СПОСОБ УБИЙСТВА»

14.05, понедельник, 11.45

Вовка Сурков не имел собственного рабочего кабинета. Чаще всего его можно было застать в отделении транспортной милиции на Казанском вокзале. Туда я и позвонил. К телефону долго никто не подходил. Наконец трубку все-таки сняли, но сделал это не Вовка, а кто-то из его коллег. Я, не представившись, попросил позвать старшего лейтенанта Суркова. Тот, кто снял трубку, очевидно, следуя своей ментовской привычке все знать, тут же поинтересовался, кто я такой.

– Его приятель, – ответил я, не покрывив душой.

– Тут какой-то тип Суркова спрашивает! Говорит, что его приятель! – крикнул мой неизвестный собеседник в пространство, даже не потрудившись прикрыть трубку ладонью, и после затянувшейся паузы ответил: – Сурков в командировке.

– А когда он вернется? – поспешно спросил я, опасаясь, что Вовкин коллега повесит трубку.

– Не знаю. Позвоните в конце недели, – последовал бесстрастный ответ, и в трубке раздались короткие гудки.

После такого ответа мне оставалось лишь мысленно ругать себя, что я не расспросил Вовку, когда у меня была такая возможность. Впрочем, если можно так выразиться, существовал еще один «свидетель», который, если следовать Вовкиной версии, должен был встречаться с суперкиллером. Правда, после такой встречи этот «свидетель» погиб. Зато сохранился его труп, и я надеялся, что с помощью экспертов-патологоанатомов смогу получить у трупа ответ на интересующий меня вопрос. С затаенной надеждой я отправился в морг судебной медицины, куда, по моим расчетам, должны были перевезти тело погибшего под колесами поезда уголовника Мурзы.

В морге судебной медицины мне приходилось бывать не раз, поэтому здесь меня знали. Отношения с работающими здесь санитарями и врачами-патологоанатомами у меня сложились самые неформальные. Когда полковнику Чернышову требовалось ускорить проведение какой-нибудь экспертизы, а его собственного административного влияния для этого не хватало, он всегда посылал в морг меня. Вот и сейчас, встретив знакомого эксперта Дениса Валерьяновича Мирского, я напрямую выложил ему, что интересуюсь трупом попавшего под поезд уголовника по кличке Мурза.

– Труп, он и есть труп, молодой человек, – ответил эксперт. – Чего им интересоваться. Впрочем, если желаете взглянуть, пожалуйста.

Я желал. Мирский переговорил о чем-то с двумя молчаливыми и, как я успел определить, успевшими принять на грудь санитарями, после чего отвел меня в помещение, где на обитых жестью столах лежали накрытые непрозрачными клеенками тела.

– Вот ваш субъект.

Мирский откинул медицинскую клеенку, и моему взору открылось обнаженное, изуродованное колесами поезда тело. Вместо лица сплошное кровавое месиво, но, без сомнения, это был именно Мурза. Я хорошо помнил описание татуировок. Рисунок совпадал, вплоть до мельчайших деталей. Рост и телосложение погибшего также соответствовали комплекции Мурзы.

– Ну, полюбовались? – осведомился эксперт.

Вид изуродованного тела напрочь отбил у меня желание произносить какие-либо слова, и я ограничился кивком.

– Что желаете еще?

У меня создается впечатление, что медицинским экспертам доставляет удовольствие издеваться над оперативными работниками, показывая им всякие ужасы морга. Это ж надо спросить, чего я желаю. Да выйти поскорее отсюда! Выйти и вдохнуть полную грудь чистого, нет, пусть даже отравленного выхлопными газами воздуха, только бы не чувствовать этот сладковатый запах формалина, смешанный с запахом мертвой человеческой плоти. Мирский наконец все же накрыл труп клеенкой, и я обрел способность разговаривать, не боясь, что меня при этом вырвет.

– Денис Валерьянович, а на заключение о причине смерти можно взглянуть? – спросил я.

– А вы разве сами не видели?..

Эксперт сделал попытку вновь открыть тело, но я успел перехватить его руку.

– Спасибо, не надо. Я просто хочу знать, мог он умереть еще до того, как попал под поезд?

– Загадками говорите, молодой человек.

– Почему же загадками? – возразил я. – Убийство с инсценировкой несчастного случая. Или вы как эксперт исключаете такую возможность?

Мой вопрос оказался сформулирован исключительно верно. В Мирском заговорила профессиональная гордость.

– Я вам так скажу, молодой человек, – начал он. – Никаких иных повреждений, кроме тех, что получило тело, когда попало под поезд, на трупе нет. Так что я могу сказать определенно – этот субъект был жив до того, как попал под колеса.

Несмотря на категоричные заявления Мирского, я решил проявить настойчивость.

– Тем не менее покажите мне копию заключения о причинах смерти, – попросил я его.

Мирский надулся, как индюк, но все же провел меня в какой-то кабинет, вынул из ящика стола толстую амбарную книгу и, перелистав ее, извлек заложенную между страницами бумагу, которая при ближайшем рассмотрении оказалась заключением о причинах смерти Мурзы.

– Вот, для администрации колонии подготовили, откуда этот тип сбежал, – пояснил он, передав мне медицинское заключение.

– Вряд ли вы что-нибудь поймете, здесь же специфические термины, – добавил он через несколько секунд, с ехидной усмешкой наблюдая, как я пытаюсь прочесть незнакомые мне слова.

Такой откровенной издевки я уже не смог стерпеть и, желая уколоть эксперта побольнее, сказал:

– Применение специфической терминологии – еще не признак профессионализма. А вот ваш профессионализм, Денис Валерьянович, меня, извините, – я развел руками, – разочаровал. Да-да, представьте себе. Мы получили оперативные данные о том, что Мурза не случайно угодил под поезд, а был убит. И, осматривая его труп, я нашел тому убедительное подтверждение. А вы, уважаемый Денис Валерьянович, этого не заметили.

Мирский прямо изменился в лице. Вот что значит ущемленное самолюбие.

– Жди здесь. Никуда не уходи! – приказал он мне и пулей вылетел из кабинета.

Ничего, пусть еще покопается в трупе. Может быть, хоть покойники научат его культуре общения с живыми людьми.

Я с удовольствием наслаждался своей маленькой мстостью, но уже через четверть часа удовольствие сменилось досадой на то, что приходится впустую дожидаться эксперта. Мирский вернулся в кабинет спустя сорок минут. Выглядел он при этом усталым, но счастливым. У него на шее и на подбородке я заметил какие-то желтые пятна, которых раньше не было. Мне даже страшно стало предположить, откуда они взялись, но Денис Валерьянович, по-моему, вовсе не обращал на пятна внимания.

– Рано вы меня списали, коллега! Ох, рано! – сияя, воскликнул Мирский и погрозил мне пальцем, как нашкодившему ребенку.

Я мало что понял из его тирады. Да еще странное, ранее не встречавшееся обращение «коллега» вообще выбило меня из колеи. Мирский тем временем продолжал:

- Я только не понял – чего вы на меня-то наехали, ведь этого Мурзу не я препарировал.
- Денис Валерьянович, объясните толком, о чем вы?

За сегодняшний день мне уже так надоели загадки, что хотя бы от эксперта я имел право потребовать ясности.

– Ну как же, – сказал Мирский. – Я ведь выяснил, как этого типа убили. Я только не понял, как вы-то это определили. Вы же к трупу даже не прикасались.

– Так его все-таки убили?! – удивился я.

– Ну вы же, Артем, сами сказали... И вот я выяснил... – растерянно ответил Мирский.

– Так, давайте разберемся. – Я даже встал со стула и вытянул руку в сторону Мирского. – Денис Валерьянович, я понятия не имел, что его убили. И сказал это просто так, наобум. Никаких данных, заставляющих сомневаться в выводах экспертизы, у меня нет и никогда не было. Поэтому сейчас подробно рассказывайте, что вы только что обнаружили.

Что при моих словах случилось с Мирским, это надо было видеть. У него отпала нижняя челюсть, он так и стоял с открытым ртом секунд, наверное, пять или даже десять. Наконец ему это надоело и он закрыл рот. Закрыл и тут же гневно спросил:

– Так это значит, ты меня просто разыграл?!

– Денис Валерьянович, давайте не будем выяснять, кто и кого разыгрывал. Лучше скажите, что вы обнаружили при повторном осмотре трупа.

– У него на темени имеется, правда очень слабо выраженная, гематома, характерная для удара твердо-мягким предметом, – медленно произнес Мирский. – А на железнодорожном полотне, как ты понимаешь, таких предметов нет.

– Денис Валерьянович, вам пора Нобелевскую премию выдавать. Вы новое агрегатное состояние вещества открыли – твердо-мягкое.

– Эх, молодой человек, – вздохнул эксперт. – Такой твердо-мягкий предмет известен еще с глубокой древности. Это мешочек с песком. Стукнешь таким мешочком по голове, следов практически не остается, а потеря сознания гарантирована.

После такого объяснения я готов был простить эксперту все его злобные шуточки в мой адрес. Потому что я понял, как был убит уголовник Мурза и почему на теле депутата, выпавшего из окна своей недостроенной дачи, не было обнаружено других следов, кроме следов удара о груды кирпичей. Да потому что мешочек с песком практически не оставляет следов, кроме слабо выраженной гематомы на затылке жертвы. И еще я понял, что Вовкин рассказ о суперкиллере вовсе не был сплетнями, распространяемыми лидером «казанцев», как я подумал вначале...

– Их всех убили! – объявил я, входя в кабинет Чернышова.

– Кого? – Начальник удивленно поднял на меня глаза.

– Всех этих людей из вашего «черного списка», – ответил я, подходя к угловому столу, на котором у Чернышова всегда стоит графин с водой.

– Объясни.

– Сейчас.

Торопливо налив себе стакан воды из графина, я залпом осушил его. Я так спешил поделиться возникшими у меня соображениями с начальником, что по пути из морга судебной медицины здорово запыхался и сейчас испытывал страшную жажду. Поборов ее, я вновь обрел способность более-менее ясно говорить и, подсев к столу Чернышова, начал свой рассказ:

– На прошлой неделе погиб, попав под поезд, сбежавший из колонии уголовник по кличке Мурза. Ну помните, он проходил у нас по недавней ориентировке?

В ответ Чернышов сдержанно кивнул.

– Так вот, – продолжал я. – Прокуратура признала смерть Мурзы несчастным случаем, но! – Чтобы привлечь внимание Чернышова, я даже поднял вверх указательный палец. – Не далее как полчаса назад Мирский установил, что Мурзу предварительно оглушили мешочком с песком и только потом уже его бесчувственное тело бросили под поезд! А еще раньше мой знакомый опер из транспортной милиции сообщил мне, что, по их оперативным данным, лидер «казанской» группировки, куда, кстати, входил и Мурза, заказал своего бывшего подельщика какому-то жутко крутому киллеру! И тот мастерски выполнил заказ! Павел Андреевич, в Москве действует киллер-чистодел, способный придавать убийствам вид несчастного случая! Я почти уверен: гибель людей из вашего «черного списка» – это его работа!

– Да, версия интересная, – задумчиво сказал Чернышов. – Тем более что в ряде эпизодов обнаружилась еще одна закономерность.

– Какая закономерность? – тут же спросил я.

– Не спеши. Завтра об этом поговорим. Аналитики как раз обещали к завтрашнему дню подготовить ответ на еще один мой запрос.

Что именно за ответ обещали подготовить спецы из информационно-аналитического отдела и о каком запросе идет речь, Чернышов не объяснил. А расспрашивать его по этому поводу было все равно бесполезно. Мне оставалось только ждать завтрашнего дня.

Глава 12

ВЕТРОВ: «ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ СОВПАДЕНИЯ»

15.05, вторник, 12.30

Мне не терпелось узнать о новой закономерности, выявленной Чернышовым при анализе несчастных случаев из его «черного списка». Однако он согласился вернуться к нашему вчерашнему разговору не раньше, чем из информационно-аналитического отдела поступил ответ на его запрос. Ближе к полудню это наконец произошло, и уже перед самым обедом начальник наконец вызвал нас с Олегом к себе в кабинет.

– По моей просьбе аналитики проверяли, кому могла быть выгодна смерть людей из их списка подозрительных несчастных случаев, – начал Чернышов. – Сразу скажу, по большинству эпизодов сделать это не удалось, но все же одну закономерность аналитики обнаружили. Помните смерть четырех бизнесменов из Западной Сибири, задохнувшихся в бане углекислым газом? Контракт на поставку алюминия в Европу, который они собирались заключить, перехватила корпорация «Промэкс». Меня заинтересовал этот случай, и я решил проверить – не промелькнет ли название «Промэкс» в связи с другими эпизодами.

При повторном упоминании этого названия я чуть не подскочил на месте. «Промэкс»! Ну конечно! «Промэкс» – это же та финансово-промышленная группа, которая финансировала избирательную кампанию депутата Варенникова. Уж не знаю, что там установили наши аналитики, но какое-то отношение к смерти депутата Симонова корпорация «Промэкс», безусловно, имеет.

– Как установили эксперты информационно-аналитического отдела, интересы корпорации «Промэкс» прослеживаются по крайней мере в половине всех эпизодов, – продолжал между тем Павел Чернышов. – Если помните, первый эпизод относится к июлю 97-го года, когда на даче заместителя министра топлива и энергетики во время купания утонула девушка, отдыхавшая там в компании друзей вместе с дочерью заместителя министра. Так вот, через две недели после трагической гибели девушки торгово-закупочная компания «Корпорация «Промэкс» получает государственную лицензию на продажу за рубеж нефти и нефтепродуктов. – Чернышов сделал паузу, давая нам возможность осознать его информацию, после чего продолжил: – Осенью 98-го года «Промэкс», несмотря на августовский кризис, неожиданно пускает в оборот очень крупные свободные средства. В то же время президент питерского банка «Кредитинвест» пытается через суд добиться возвращения банковского кредита, якобы выделенного его банком этой компании. В подтверждение своих слов он обещал представить необходимые документы. Однако, так и не представив суду никаких документов, президент банка скоропостижно скончался от обширного и чрезвычайно быстро развившегося инфаркта. Как следствие все претензии банка «Кредитинвест» к корпорации «Промэкс» были признаны необоснованными. В январе 99-го года в связи с гибелью руководителей компании-конкурента «Промэкс» заключает алюминиевый контракт. И наконец, летом прошлого года, после смерти медиамагната, разбившегося при падении со смотровой площадки в Таиланде, корпорация «Промэкс» по дешевке скупает акции принадлежавших ему информационных компаний и учреждает собственный медиахолдинг.

На этом Чернышов остановился и посмотрел на нас, давая понять, что ему больше нечего добавить. Тут я не выдержал и, вскочив со стула, воскликнул:

– Это еще не все! Автокатастрофу Симонову тоже организовал «Промэкс»! Так как теперь его заместитель Варенников, проведенный в Думу «Промэксом», наверняка станет во главе думского комитета!

– Откуда сведения? – быстро спросил у меня Чернышов.

– От политконсультантов тех кандидатов, которых обставил на выборах Варенников.

– Значит, с гибелью депутата Симонова набирается уже пять эпизодов, – подвел итог Чернышов. – Пусть то, о чем мы сейчас говорили, – всего лишь версия, тем не менее корпорация «Промэкс» заслуживает самого пристального внимания. Я наведу справки по своим каналам, а ты, Артем, – начальник посмотрел на меня, – повстречайся с сотрудниками «Промэкса», только не раскрывай им себя, познакомься с кем-нибудь и постарайся узнать эту фирму, так сказать, изнутри.

– Интересно, как это сделать? – заметил я. – Что мне туда, на работу устроиться?

– Ну, на работу тебя скорее всего не возьмут, – заверил меня Чернышов. – Но повод для визита вполне подходящий. Так что можешь попробовать, – добавил он и одобрительно улыбнулся мне.

* * *

После обеда я отправился в офис «Промэкса». В телефонной справочной службе узнал номер, а потом по номеру пробил адрес. Оказалось, что свою штаб-квартиру корпорация оборудовала на юго-западе столицы. Добраться до нее было очень просто, как-никак прямая ветка метро. Девять остановок, причем без всяких пересадок, и через полчаса я уже вышел на станции «Юго-Западная», крутя головой в поисках нужного здания. Восходящую ввысь стеклянную башню, где и размещался офис корпорации «Промэкс», я увидел сразу, правда, чтобы добраться до нее, мне еще пришлось проехать одну остановку на автобусе.

Площадь перед зданием была обнесена оградой, в которой имелось несколько проездов для автомобилей, закрываемых шлагбаумами, и несколько калиток для пешеходов. Большинство желающих попасть в стеклянную башню подъезжали на машинах, однако встречались и такие, кто предпочитал передвигаться на своих двоих. Как я успел убедиться, дежурившие на въездах охранники ни у тех, ни у других никаких документов не спрашивали. Большей частью охранники мирно сидели в своих будочках и услужливо поднимали перегораживающие проезд шлагбаумы. Я уверенно миновал калитку. Как и следовало ожидать, никакой реакции охранника на мой наглый проход не последовало. Пока я шел к зданию, меня обогнало три автомобиля и четыре попало навстречу, из них ни одного отечественного. Столь интенсивное движение объяснялось тем, что через самооткрывающиеся стеклянные двери парадного крыльца в ту и в другую стороны беспрестанно сновали люди. Все они были дорого одеты, держали в руках папки, органайзеры, атташе-кейсы или трубки мобильных телефонов. Я тоже влился в этот людской поток, но едва вошел в стеклянные двери, как тут же был остановлен двумя дюжими охранниками. К чести руководителя охранной службы, его люди были одеты не в камуфляжные комбезы, а во вполне приличные костюмы, состоящие из черных брюк и синих двубортных пиджаков. На мой взгляд, только их одинаковые полосатые галстуки были слишком яркими, а в остальном парни смотрелись вполне прилично. Мой собственный вид, а именно джинсы и запыленные кроссовки вкупе с отсутствующим галстуком, оказался куда менее презентабельным, чем у дежурящих на входе охранников и посетителей стеклянной башни.

– Прошу прощения, – обратился ко мне один из охранников. Правда, по его лицу было видно, что подобное обращение – не более чем дежурная фраза, а на самом деле он вовсе не собирается просить у меня никакого прощения. – Вы куда направляетесь?

Свой вопрос охранник закончил уже привычным ему грубым голосом. Моя невыдержанная натура не выносит грубого и хамского обращения, но, выполняя разные задания, приходится соответствовать взятой на себя роли, поэтому большей частью я вынужден терпеть и хамство, и грубость. Вот и сейчас, изобразив на лице выражение свойского парня, я ответил:

– В «Промэкс».

– К кому? – последовал новый вопрос.

– Да я по поводу работы, – начал объяснять я. – Мне бы кого-нибудь, кто кадрами занимается, какого-нибудь менеджера по работе с персоналом, – уточнил я, решив проявить знание современной терминологии.

Нижняя челюсть моего собеседника сдвинулась сначала в одну сторону, потом в другую, очевидно, сигнализируя о работе мысли. Пожевав челюстями, охранник произнес:

– Сначала позвони. – И его могучая лапа вытянулась в сторону, где на стене висел телефон. – Захотят с тобой встретиться – выпишут пропуск, а нет – проваливай, – добавил он с презрительной ухмылкой.

Видимо, оценив мой внешний вид, охранник решил, что аудиенции мне не добиться. Жаль, если так. По крайней мере я надеялся хотя бы попасть в офис. Сопровождаемый пристальными взглядами обоих охранников, я подошел к телефону. Таких телефонов в вестибюле стеклянной башни оказалось несколько, и возле каждого из них висел список с номерами абонентов. Все номера оказались внутренними пятизначными. Причем первая цифра изменялась от нуля до двух, а вторая от нуля до девяти. Нетрудно было догадаться, что первые две цифры обозначают номер этажа. Судя по телефонным номерам, офис корпорации «Промэкс» располагался на трех последних этажах. Зато других фирм или организаций там уже не было. Видимо, промэксовцы не пускали на свою территорию посторонних.

«Генеральный директор Рубин Леонид Борисович», – прочитал я две первые строчки в приведенном списке сотрудников «Промэкса». Мой взгляд скользнул ниже, и тут я замер на месте, вытаращив глаза. Ниже фамилии генерального директора стоял подзаголовок «Заместители», под ним три фамилии. Первые две мне ничего не говорили, зато третьим заместителем был записан Берш Петр Вениаминович! Ошибиться я никак не мог. Именно эту фамилию и это имя мне назвал по телефону Сан Саныч Юдин. Три дня назад я узнал, что какой-то Берш распространяет слухи о том, что я якобы увольняюсь со службы и ищу новую работу, а сегодня встретил такую же фамилию в списке руководителей интересующей меня компании! Шальную мысль о случайном совпадении я отверг сразу. Все-таки Берш – довольно редкая фамилия. Это не Иванов, не Петров и даже не Сидоров. После столь неожиданного открытия подниматься в офис мне сразу расхотелось. Не зная, как реагировать на свалившуюся новость, я решил сначала посоветоваться с Чернышовым. Подержавшись для приличия за телефонную трубку, я вернулся к выходу.

– Ну что, облом? – с усмешкой поинтересовался у меня все тот же охранник.

– Менеджера на месте не оказалось, – ответил я, проходя мимо него.

Когда я вышел из стеклянной башни и начал спускаться по ступеням вниз, на стоянку перед зданием въехал темно-синий округлый «Мерседес». Из него выбрался такой же округлый невысокий человек и направился мне навстречу. Видимо, мой внешний вид ему тоже не приглянулся, потому что он сдвинул брови и недовольно посмотрел в мою сторону. Наверное, еще подумал при этом: «Приезжаю в нормальную контору на нормальной машине, а навстречу попадает какой-то охламон в дешевых штанах и пыльных кроссовках». Вообще-то все переживания мужика из «Мерседеса» мне были до лампочки. В этот момент меня гораздо больше занимал таинственный Берш.

Глава 13

БЕРШ

15.05, вторник, 13.00

Официант на одну треть наполнил фужер розовым вином из только что принесенной бутылки и почтительно отступил на один шаг от стола. Берш поднес к губам фужер с налитым на пробу вином и сделал два небольших глотка, после чего одобрительно кивнул. Официант тут же наполнил фужер до краев и, оставив на столе выбранную клиентом бутылку, удалился. Берш еще раз пригубил из фужера и принялся за расставленные перед ним холодные закуски.

Из всех московских ресторанов бывший разведчик отдавал предпочтение «Метрополю». Сюда часто заходили пообедать проживающие в одноименном отеле иностранцы, а в их обществе отечественные завсегдатаи дорогих ресторанов вели себя гораздо более сдержанно, чем в компании соотечественников. К тому же даже при большом скоплении народа здесь всегда можно было найти свободный столик. Несмотря на наличие средств, руководитель службы безопасности «Промэкса» не любил посещать рестораны без определенного повода, но сегодня такой повод у него был. Начатая разработка проходила строго по плану. И сегодняшним обедом в ресторане Берш решил отметить успешное завершение очередного этапа. Отправленная в Арзамас-29 группа наблюдателей благополучно добралась до места и уже приступила к работе. Вчера на заседании думского комитета по экологии все депутаты единогласно одобрили предложение Варенникова по изменению маршрута его инспекционной поездки. Депутат и вездесущая помощница уже вылетели в командировку. «Завтра они будут на Арзамасском механосборочном заводе, – удовлетворенно подумал Берш. – А Марина молодец. Вон как ловко записала на видео заседание думского комитета. С ее способностями она наверняка сумеет заснять заключительные этапы сборки. Вот за это, пожалуй, стоит выпить. – Берш еще раз поднял фужер. – Очень способная девочка. Жаль, что, когда все закончится, ее придется ликвидировать», – мысленно добавил он, возвращая на место пустой бокал.

Из «Метрополя» руководитель службы безопасности «Промэкса» отправился обратно в офис. Подъехав к высотному зданию на юго-западе, Берш поставил свой джип перед входом и уже собирался войти внутрь, но тут его внимание привлек молодой мужчина, попавшийся навстречу. Мужчина только что вышел из стеклянных дверей высотки и теперь спускался по ступеням. Берш невольно задержал на нем свой внимательный взгляд. «Рост примерно метр семьдесят пять. Волосы русые, глаза голубые. На вид около тридцати лет. Ветров! – вспыхнула в его мозгу тревожная мысль. Руководитель службы безопасности «Промэкса» узнал человека с видеопленки, переданной ему помощницей депутата Варенникова. – Фээсбэшник выглядит растерянным, нет, скорее озадаченным. – Что он здесь делал? – подумал бывший разведчик, проходя мимо возможного противника и стараясь не смотреть в его сторону. – Дурацкий вопрос! Конечно, наводил справки о нашей корпорации! А если я ошибаюсь и этот парень вовсе не Ветров, а лишь похож на него?»

Войдя в здание, Берш остановился возле охранников:

– Несколько минут назад отсюда вышел молодой мужчина в бежевой куртке-ветровке и синих джинсах, вы запомнили его?

– Так точно, Петр Вениаминович, – вытянувшись в струнку, ответил старший охранник.

Дежурящие на входе охранники не являлись штатными сотрудниками «Промэкса», но дополнительно к своему основному заработку они ежемесячно получали денежную премию от начальника службы безопасности корпорации, поэтому при каждом удобном случае старались продемонстрировать ему свою бдительность. Сейчас такой случай как раз представился.

– Он приходил к вам. Вернее, в вашу компанию, – доложил Бершу старший охранник. – Сказал, что хочет на работу устроиться. Попросил этого... менеджера по персоналу, – добавил он после секундной паузы.

– Мы отправили его сначала позвонить, – вставил второй охранник. – Ну, он позвонил, а потом ушел. Сказал, что нужного ему менеджера нет на месте.

– Вы видели, как он звонил? – уточнил Берш.

– Ну, – охранники переглянулись. – Он стоял у телефона около минуты, а вот звонил или нет – мы не заметили.

Берш подошел к телефону, возле которого около минуты стоял приходивший в компанию человек, и сам позвонил в службу по работе с персоналом.

– Пять минут назад нам кто-нибудь звонил по поводу трудоустройства? – спросил он.

– Нет, Петр Вениаминович, – последовал незамедлительный ответ.

Берш медленно положил трубку. «Это Ветров. Вне всякого сомнения, это он. Но почему он не позвонил? Ведь, чтобы попасть в офис, ему надо было выписать пропуск. Он должен был позвонить, но не позвонил. Почему? – Берш взглянул на висящий на стене список телефонов и увидел в нем свою фамилию. – Вот и объяснение, – с раздражением подумал он. – Ветров обнаружил в списке мою фамилию. А узнать обо мне он мог только от Юдина. Юдин – сволочь, видимо, все-таки надумал позвать Ветрова в свое агентство и в разговоре с ним сослался на меня. Я совершил непростительную ошибку. Черт! Это все из-за Шона. Если бы он не маячил у меня за спиной, я бы так не прокололся. Итак, ФСБ уже вышла на корпорацию и на меня лично», – сделал неутешительный вывод начальник службы безопасности.

Скоростной лифт стремительно поднял Берша в пентхаус. Холл перед лифтом охранялся сотрудниками службы безопасности «Промэкса». Они почтительно поздоровались со своим шефом, но тот молча прошел мимо, даже не удостоив охранников взглядом. В глубокой задумчивости начальник службы безопасности вошел в свой кабинет и опустил в любимое кресло за широким, напоминающим полумесяц, если смотреть сверху, письменным столом. Не в первый раз матерому разведчику приходилось проводить агентурную разработку в условиях противодействия спецслужб. Правда, сейчас имелось некоторое отличие. Объект разработки находился не за рубежом, а на территории России, да и бороться приходилось со спецслужбой родного государства. Но Петр Берш считал это отличие несущественным.

Глава 14

ВЕТРОВ: «ИСТОРИЯ КОРПОРАЦИИ»

16.05, среда, 10.00

Сделанное в результате визита в офис «Промэкса» открытие совершенно выбило меня из колеи. Если Берш говорил с Юдиным обо мне, значит, он меня знает. Но откуда? Я, например, совершенно уверен, что не знаю его и даже никогда о нем не слышал. Как я и ожидал, информация о таинственном Берше вызвала у моего начальника живой интерес. Хотя и он не смог сразу ответить на возникшие у меня вопросы и посоветовал обратиться за разъяснениями к самому Юдину, что я немедленно и сделал. Однако, позвонившись вчера в детективное агентство «Глобус», я узнал от весьма общительной секретарши, что господин Юдин из офиса уехал и теперь уже вряд ли появится. Вследствие чего визит к нему мне пришлось перенести на сегодняшний день...

Детективное агентство «Глобус» расположилось на первом этаже обыкновенного жилого дома. Юдин выкупил все квартиры на одной лестничной площадке и разместил в них свои службы. Поразмыслив, я решил, что устраивать офис детективного агентства в жилом доме разумнее, чем снимать для этой цели помещение в административном здании. Минимум посторонних, а все соседи хорошо известны. Да и для клиентов агентства так наверняка было удобнее. Меня встретили не хмурые охранники, а улыбающаяся секретарша, вежливо поинтересовавшаяся целью моего визита. Я не смог устоять против ее очаровательной улыбки и честно признался, что хочу видеть Александра Александровича Юдина. Но увы, оказалось, что Сан Саныч опять отсутствует. Секретарша сообщила мне, что он уехал на какую-то встречу и, когда вернется, неизвестно. Мне не оставалось ничего другого, как терпеливо дожидаться его возвращения. Ожидание затянулось на полдня, Юдин приехал только в третьем часу. Я бы, наверное, умер от голода, если бы не его сердобольная секретарша, которая периодически поила меня кофе и угощала бутербродами.

Начальство всегда приходит неожиданно. Вот и Юдин появился, когда я допивал очередную чашку кофе и болтал на отвлеченные темы с его секретаршей.

– Ты?! – удивился директор агентства, заметив меня в своей приемной.

Пришлось признаться:

– Я. Здравствуйте, Сан Саныч. Не ожидали?

– Честно скажу – не ожидал. Ну давай, заходи.

Оказалось, что директор детективного агентства закрывает дверь своего кабинета на ключ. Поэтому мне пришлось подождать, пока он справится с замком. Кабинет Юдина был ненамного больше моего, но обставлен! Не то слово. Цельнорезная мебель из какого-то заморского дерева была достойна того, чтобы украсить собою музей или на худой конец жилище очередного «нового русского». Но больше всего меня поразил огромный глобус на ореховой подставке в углу кабинета, который в диаметре был никак не меньше половины моего роста.

– Впечатляет? – поинтересовался Юдин, заметив мой восторженный взгляд, и без всякого перехода сказал: – Вот поступишь к нам на службу, и у тебя, может быть, со временем такой кабинет будет.

– Обещаю, Сан Саныч, как только меня вытурят из конторы, я ваш, – положила руку на сердце, сказал я.

– Ловлю на слове, – усмехнулся Юдин. – А теперь рассказывай – с чем пожаловал. У меня, извини, мало времени.

– Только один вопрос, Сан Саныч. Кто этот Берш, который вам обо мне рассказывал?

– Дался тебе этот Берш? – недовольно поморщился Юдин.

– Сан Саныч, обижусь и после увольнения уйду в другое детективное агентство, – пригрозил я ему. – Как вы считаете, имеет человек право знать, что за типы им интересуются?

– Ну имеет, имеет, – пошел на попятную Юдин. – Только никакой это не тип. Петр Вениаминович Берш – бывший наш сотрудник. Работал в Первом главке, потом во внешней разведке. Несколько лет назад в звании полковника ушел на пенсию. Сейчас возглавляет службу безопасности в какой-то фирме. Вот все, что я о нем знаю.

Мною интересовался профессиональный разведчик! Вот это новость!

– Сан Саныч, а вы с этим Бершем хорошо знакомы? – задал я следующий вопрос.

– Да какое там знакомство, – махнул рукой Юдин. – Несколько раз встречались по службе. После моего увольнения из органов вообще не виделись, а в прошлую субботу случайно столкнулись на одной презентации.

Сказав последнюю фразу, Юдин вдруг помрачнел, и я, понятно, тут же поинтересовался резкой переменой его настроения.

– Да это к делу не относится, – ответил Сан Саныч и недовольно поморщился. – Ту презентацию организовала фирма, которая является нашим постоянным клиентом. И ты представляешь – ее президент в тот же вечер дома умер от сердечного приступа. Врачи говорят: сердце не выдержало. Наверно, перебрал на фуршете, – рассуждая вслух, предположил Юдин. – Хотя вообще-то он никогда этим делом не увлекался. В общем, неприятный случай. Сам понимаешь – скоропостижная смерть клиента, пусть даже в результате несчастного случая или внезапной болезни, не способствует престижу детективного агентства.

Новая смерть и опять по вполне естественным причинам – из-за остановки сердца! Сколько таких случаев в «черном списке» полковника Чернышова, четыре?! Вот и пятый! Причем среди гостей презентации, то есть тех, кто теоретически мог иметь отношение к смерти президента фирмы, был бывший сотрудник службы внешней разведки, а ныне руководитель службы безопасности «Промэкса»! И этот человек навел справки обо мне! У меня неприятно засосало под ложечкой, но вскоре я вынужден был прервать свои рассуждения, потому что заметил, что Юдин как-то странно смотрит на меня. Перехватив мой удивленный взгляд, он тут же сказал:

– Слушай, Артем, а у меня ведь будет к тебе ответная просьба. Не откажись помочь. Помощь будет оплачена, – поспешно добавил он. – Все официально, по договору, как внештатному сотруднику.

– Ну, излагайте свою просьбу.

Как-то неудобно было сразу отказывать Юдину после того, как он ответил на мои вопросы. Пришлось согласиться хотя бы выслушать его.

– Я как раз вернулся со встречи с клиентом. Пока не буду называть его, скажу лишь, что наш клиент – это юридическое лицо, крупная российская нефтяная компания, – начал свой рассказ Юдин. – Так вот, эта компания в числе других российских компаний ведет добычу нефти в Ираке.

– Как это в Ираке? – перебил я Юдина. – Там же действуют санкции ООН! Эмбарго!

– Все правильно. Санкции действительно действуют. Но часть добываемой в Ираке нефти все же разрешается экспортировать для последующей закупки продовольствия. Так вот, добычу и экспорт этой нефти ведут ряд компаний, в том числе и несколько российских. Но в конце прошлого года Ирак резко урезал всем зарубежным нефтяным компаниям квоты на добычу и экспорт нефти. В связи с чем наш клиент несет колоссальные убытки.

– Ну а я-то чем могу помочь? – удивился я.

– Ты подожди, не перебивай. Экспорт нефти для Ирака, пожалуй, единственный источник твердой валюты. Обойтись без него страна просто не может. Значит, что?

– Что? – переспросил я.

– Экспорт все равно идет. Но Ирак отдал предпочтение какой-то одной компании, а все остальные вынуждает свернуть нефтедобычу. Вот нашего клиента и интересует – что это за компания? И почему именно ее выбрало правительство Ирака для экспорта своей нефти?

– Так, ну задача мне более-менее понятна, – признался я. – Но непонятно, как я могу помочь в ее разрешении?

– Артем, мне ведь известно, что ваша опергруппа предотвратила теракт на разрабатываемых нефтяных месторождениях каспийского шельфа. У полковника Чернышова наверняка сохранились связи с нефтяниками. Вам вполне по силам узнать, какая из российских компаний экспортирует львиную долю иракской нефти. А список зарегистрированных в Ираке российских нефтяных компаний я тебе сейчас дам.

С этими словами Юдин полез в свой «дипломат». Я же воспользовался его молчанием и спросил:

– Сан Саныч, а почему вы считаете, что правительство Ирака выбрало именно российскую компанию в качестве экспортера?

– Ты, главное, проверь. Не окажется экспортера среди наших, возьмемся за иностранцев.

Юдин наконец нашел в своем «дипломате» нужный лист, но не отдал его мне, а направился к своему ксероксу. Через несколько секунд аппарат выплюнул копию вставленного в него листа. Юдин пробежал ее глазами, очевидно, проверяя качество печати, и наконец передал мне. Я взял бумагу довольно равнодушно, но уже через секунду мое отношение к ней резко изменилось. Последней в списке из шести названий значилась корпорация «Промэкс»! Я трепетно сложил полученную бумагу и спрятал ее в карман.

– Сан Саныч, считайте, что вы меня уговорили.

Это были мои последние слова при расставании с директором детективного агентства «Глобус», если не считать традиционного «До свидания», сказанного ему и секретарше.

* * *

Полученная от Юдина информация, безусловно, стоила потраченного времени. Со своими новостями я рванул к Чернышову, даже забыв, что по пути собирался зайти в какую-нибудь столовую и как следует пообедать. Обидно, но спешил я напрасно, так как мой начальник тоже куда-то пропал. И это бы еще ничего. Хуже всего было то, что наша столовая, естественно, уже закрылась и мне вместо полноценного обеда пришлось ограничиться парой хот-догов, купленных возле «Детского мира». Чернышов появился только к концу рабочего дня и сразу вызвал нас с Олегом к себе на импровизированное совещание. Такие совещания для подведения итогов работы за день в нашей опергруппе уже стали традиционными. – Корпорация «Промэкс» оказалась весьма интересной фирмой, – объявил Павел Чернышов, когда мы с Олегом Муромцевым заняли свои обычные места. – Вчера и сегодня я наводил справки об этой фирме, и вот что мне удалось узнать. Эта компания была создана в 1993 году. Все это время ее неизменно возглавляет Леонид Борисович Рубин, в прошлом ответственный работник Внешторга. В 1986 году Генеральная прокуратура проводила расследование в отношении действий нескольких должностных лиц этого ведомства, подозреваемых в злоупотреблении служебным положением, получении взяток и крупных хищениях. Попал в число подозреваемых и Леонид Рубин, но пробыл в этом качестве очень недолго. Оказавшись в следственном изоляторе, Рубин был вскоре освобожден, и с него были сняты все обвинения. То, что он даже не фигурировал в числе свидетелей по данному делу, наводит меня на мысль, что к освобождению Рубина приложила руку наша контора, – добавил Чернышов и зачем-то выразительно посмотрел на меня. – Но вернемся к организованной Рубиным компании. Номинально корпорация «Промэкс» была создана, чтобы продавать за границу продукцию отечественного машиностроения. Кстати, ее название расшифровывается как промышленный экспорт. Однако

руководители компании вскоре сообразили, что гораздо выгоднее продавать за границу не отечественные станки и оборудование, а отечественное сырье. И вот уже корпорация от торговли промышленной продукцией переходит к торговле цветными металлами. За границу отправляются колонны грузовиков и целые железнодорожные составы с медью, бронзой и никелем. Вскоре такая деятельность «Промэкса» привлекает внимание налоговой полиции. Два года полицейские ищут оперативные подходы к этой компании. Но вот в 1996 году в службу безопасности «Промэкса» приходит новый сотрудник – отставной полковник Службы внешней разведки Петр Вениаминович Берш.

Вот так! Я тут терплю голод и холод и через эти лишения добываю для начальника информацию, которая ему и так известна. Обидно. А вместо того чтобы по достоинству оценить мои труды, он лишь снисходительно кивает в мою сторону и продолжает:

– Вот, кстати, фотография из его личного дела.

С этими словами Чернышов открыл картонную папку, которая лежала на его столе, достал оттуда черно-белый фотоснимок человека в военной форме и показал его нам. Странно, хотя я отлично помню, что никогда не служил в штате внешней разведки, но изображенный на фотоснимке человек показался мне знакомым. Несколько секунд я неотрывно смотрел на фотографию... Озарение, как всегда, пришло неожиданно. Не сумев усидеть на месте, я вскочил со своего стула и воскликнул:

– Да ведь это же тот тип, который попался мне навстречу, когда я выходил из юго-западной высотки после неудачного визита в офис «Промэкса»! Выходит, я встретился с самим Бершем! А я еще удивился, что это он так пристально смотрит на меня. Значит, он тоже узнал меня, но откуда?

– А откуда он вообще тебя знает? – задал мне встречный вопрос Чернышов. – Не забывай, что Берш – профессиональный разведчик и добыча информации – это его стихия. С его приходом в службу безопасности «Промэкса» агентурная сеть налоговой полиции начала быстро разваливаться. За несколько месяцев Берш избавился от всех сотрудников фирмы, с которыми удалось установить контакт оперативникам налоговой полиции. Тем, кто был просто уволен, еще повезло. Некоторые из осведомителей погибли при весьма таинственных обстоятельствах. Одновременно с этим оперативники, ведущие разработку «Промэкса», получили указание работу прекратить как наносящую вред экономическим интересам государства.

– Ничего себе формулировка, – высказался я.

– Представь себе, – ответил Чернышов и продолжил свой рассказ: – По сведениям наших налоговиков, корпорация «Промэкс» никогда не испытывала трудных времен. Но с приходом в компанию Петра Берша деятельность «Промэкса» становится все более масштабной. Корпорация получает крупные кредиты, причем на весьма выгодных условиях. Легко избавляясь от конкурентов, «Промэкс» заключает многомиллионные контракты, как, например, контракт на поставку российского алюминия в Западную Европу. Одновременно с этим корпорация расширяет и виды деятельности. После получения права на экспорт нефти «Промэкс» становится основным оператором, реализующим на мировом рынке нефть, добываемую российскими региональными нефтяными компаниями. Однако договориться с губернаторами Бершу оказалось не так просто. И по мере укрепления региональных нефтяных компаний количество отпускаемой «Промэксу» нефти резко сокращается. Но... – Чернышов сделал паузу и обвел нас с Олегом пристальным взглядом. – Это никак не сказалось на объеме нефти и нефтепродуктов, реализуемых корпорацией на мировом рынке. Более того, в прошлом году объем проданной «Промэксом» нефти резко увеличился и сейчас не уступает объему основных российских экспортеров. Правда, известно, что «Промэкс» ведет добычу нефти в ряде азиатских и африканских стран. Но речь скорее можно вести о разведочном бурении, так как объем добываемой за рубежом нефти крайне незначителен.

Последние слова Чернышова и информация Юдина сложились, как дважды два. Я вскочил со стула и вытащил из кармана листок со списком зарегистрированных в Ираке нефтяных компаний.

– Не знаю, какой объем добываемой за рубежом нефти они показывают в своих документах, но я точно знаю, чью нефть они продают!

С этими словами я торжественно положил на стол Чернышова полученный от Юдина список, после чего пересказал нашу с ним беседу. Мой рассказ заставил Чернышова надолго задуматься, что, безусловно, свидетельствовало о ценности добытой мною информации.

– Сопоставим факты, – предложил он, вновь включаясь в беседу. – Первое. В последние годы в Москве, да и не только, активно действует профессиональный убийца, способный придавать своим преступлениям вид несчастных случаев или естественной смерти. Исключительное мастерство убийцы позволяет выдвинуть версию о том, что ранее он являлся законспирированным агентом-ликвидатором, прошедшим специальную подготовку в одной из российских... – Чернышов сделал паузу, – или советских спецслужб. Второе. Наибольшее число ликвидаций убийца провел в интересах корпорации «Промэкс», из чего можно сделать вывод, что он как-то связан с начальником службы безопасности этой компании Петром Бершем – в прошлом полковником Службы внешней разведки. Принимая во внимание специальную подготовку убийцы, можно предположить, что он получил ее именно в Службе внешней разведки, а Берш являлся его офицером-куратором. Третье. По нашей версии, депутат Симонов погиб не в результате несчастного случая, а – спланированной Бершем и осуществленной его ликвидатором акции. Таким образом руководство «Промэкса», в лице Берша, стремилось заменить председателя думского комитета Симонова своим ставленником Варенниковым. Четвертое. Как только в ходе расследования обстоятельств гибели Симонова капитан Ветров повстречался с Варенниковым, Берш начал активно собирать о Ветрове информацию. Следовательно, Варенников проинформировал Берша об этой встрече. Артем, каких вопросов больше всего испугался Варенников? – неожиданно спросил у меня Чернышов.

– Знал ли он о том, что Симонов с начала мая проживает на загородной даче. И еще – вопроса о предстоящей командировке Симонова.

– Так, с первым вопросом понятно. Берш выбирал место покушения и интересовался маршрутами поездок Симонова, – сделал вывод Чернышов. – Если эту информацию ему сообщил Варенников, депутату было отчего перепугаться. Волей или неволей, но он фактически стал соучастником убийства. А вот в отношении второго вопроса...

Чернышов замолчал и в раздумье начал постукивать пальцами по столу. В какой-то момент постукивания прекратились. Начальник уперся в меня взглядом и объявил:

– Тебе придется еще раз наведаться в Думу и узнать все о готовившейся командировке Симонова. Куда конкретно он собирался поехать? Кто поехал вместо него? И изменился ли маршрут командировки?

Я в ответ кивнул, а Чернышов вернулся к прерванным рассуждениям:

– И последнее. Ирак предоставил «Промэксу» преимущественное право на экспорт своей нефти. Интересно, чем заслужила корпорация столь высокое доверие иракского правительства? – закончил он и зачем-то вновь посмотрел на меня, словно хотел поручить мне выяснить и этот вопрос.

Эх, Павел Андреевич, я бы с радостью! Но боюсь, попасть на прием к главе иракского правительства будет посложнее, чем в думский комитет по экологии.

Глава 15

ПОЛКОВНИК ЧЕРНЫШОВ

17.05, четверг, 13.40

На столе лежали четыре листка, вырванные из отрывного блокнота. Три из них содержали фамилии: Берш, Симонов, Варенников. Четвертый, с надписью «убийца-ликвидатор», остался безымянным. Павел Чернышов раскладывал перед собой эти листки в разной последовательности, пытаясь установить связь между обозначенными ими людьми. Связь, безусловно, присутствовала. Чернышов в этом не сомневался, но до конца так и не мог ее понять. Он в очередной раз смешал разложенные на столе листки и начал их раскладывать заново. Получившаяся фигура отдаленно напоминала треугольник. В вершине листок с надписью «Берш» и три листа в основании – «убийца-ликвидатор», «Симонов», «Варенников».

«По заданию Берша его агент убирает Симонова. – Листок с надписью «убийца-ликвидатор» накрыл лист с фамилией председателя думского комитета. – Берш хотел поставить во главе думского комитета своего человека и поручил наемному убийце ликвидировать прежнего председателя». За внешней очевидностью данного утверждения терялось самое главное – смысл. «Почему Берш решил на замену именно сейчас? – снова и снова задавал себе Чернышов вопрос. – Выборы в Думу прошли еще в декабре 99-го года, но почему-то только сейчас Берш решил заменить председателя думского комитета своим человеком. Значит, до последнего времени Симонов на месте председателя его устраивал, а потом неожиданно перестал? «Промэксу» срочно потребовалась поддержка думского комитета и для этого пришлось сменить председателя? Но ближайшая сессия Государственной думы начнется лишь в конце лета, а до ее начала депутаты вообще не будут рассматривать никакие законопроекты. Значит, новый председатель экологического комитета был нужен Бершу не для того, чтобы лоббировать в думе интересы корпорации. Тогда для чего? – Чернышов взял в руки листок с надписью «убийца-ликвидатор», открыв тем самым листок с фамилией Симонов. – Чем же ты мешал «Промэксу» или начальнику его службы безопасности? А может быть, я вообще строю свои рассуждения на пустом месте, и смерть депутата Симонова – не что иное, как обыкновенный несчастный случай. Нет! – резко возразил себе Чернышов. – Опытный водитель, сухая дорога, известная трасса, отсутствие встречных машин – без посторонней помощи они просто не могли разбиться на этом участке».

– Павел Андреевич! Что с вами? Я вам стучу, стучу, а вы не отвечаете!

Полковник Чернышов поднял глаза от стола и увидел на пороге Артема Ветрова.

– Чем это вы тут занимаетесь? – по-деловому спросил Артем, входя в кабинет, и, заметив на столе Чернышова листки с надписями, уточнил: – Пасьянс раскладываете?

Пока Павел Чернышов собирал разложенные на столе листочки бумаги, Артем переставил к столу начальника свободный стул, уселся на него и объявил:

– А я ведь только что из Госдумы, Павел Андреевич. Как и ожидалось, вместо погибшего Симонова в командировку по России отбыл его заместитель – Варенников. Теперь что касается маршрута его поездки. – Ветров сделал паузу и многозначительно посмотрел на Чернышова.

– Давай рассказывай, не тяни! – поторопил его Павел Чернышов.

– Вот, все-таки не проявляете вы чуткости при общении со своими сотрудниками.

Изобразив озабоченность по этому поводу, Ветров тяжело вздохнул. Павел Чернышов видел, что Артем дурачится. Веселое настроение Ветрова могло свидетельствовать лишь о том, что он узнал нечто важное. Наконец Артем решил, что уже достаточно заинтриговал своего начальника, и объявил:

– Как вам уже известно, Павел Андреевич, думский комитет по экологии последнее время занимается вопросами радиационной безопасности. Вот и в ходе своей инспекционной поездки его бывший председатель собирался посетить объекты хранения и утилизации ядерных отходов, а именно – завод по переработке отработанного ядерного топлива в Северодвинске и аналогичное предприятие в Челябинске. А нынешний исполняющий обязанности председателя думского комитета дополнил этот список еще одним объектом – Арзамасским механосборочным заводом.

– Варенников собирается посетить АМСЗ?! – воскликнул Чернышов. – Единственное в России предприятие по сборке боевых ядерных зарядов!

– Думаю, он уже там, – уточнил Ветров. – У него вся командировка на одну неделю. Значит, в эти выходные он вернется обратно.

Чернышов бросил взгляд на листки с фамилиями и надписью «убийца-ликвидатор», которые все еще держал в руке: «Так вот для чего Бершу потребовалось убрать Симонова! Чтобы его заместитель получил возможность посетить производство ядерного оружия и под прикрытием мандата Государственной думы собрать там интересующие Берша сведения!» Информация Юдина и последнее сообщение Ветрова, как кусочки мозаики, сложились в единую картину. Павел Чернышов поднял взгляд на Ветрова и сказал:

– Теперь понятно, чем «Промэкс» собирается оплатить Багдаду свое эксклюзивное право на реализацию иракской нефти. Ирак упорно стремится к обладанию ядерным оружием. И Берш, судя по всему, взялся добыть для Ирака технологию его производства.

Глава 16

БЕРШ

19.05, суббота, 20.15

– А здесь не опасно? Мы можем говорить? – испуганно спросил Георгий Варенников, кивнув на закрытую дверь ресторанный кабинета.

– Не беспокойтесь, Георгий Яковлевич, – ответил ему Берш с обезоруживающей улыбкой. – О месте нашей встречи, кроме нас двоих, никто не знает, поэтому мы можем говорить совершенно свободно.

Руководитель службы безопасности корпорации немного лукавил. На одном самолете с Варенниковым из Арзамаса летел заместитель Берша – Губанов. Позже в аэропорту «Домодедово» депутата взяли под наблюдение двое сотрудников службы безопасности «Промэкса». И все это время, вплоть до его визита в ресторан «Охотник», где Берш назначил Варенникову встречу, депутат находился под их плотным контролем. Наблюдение велось с целью выявить возможную слежку и дало отрицательный результат. Даже в том случае, если Варенниковым заинтересовалась ФСБ, пускать за ним наружку пока никто не собирался.

– А все эти люди в зале? – задал новый вопрос Варенников.

– Вряд ли кого-то из них заинтересует беседа двух солидных мужчин, разве что ресторанных девочек. Но, как вы понимаете, их интерес несколько иного рода. – Берш вновь улыбнулся. – К тому же здесь отличная звукоизоляция. Обратите внимание, почти не слышно музыки. Следовательно, снаружи никто не сможет услышать, о чем мы здесь говорим.

Про себя Берш подумал, что сидящий напротив него человек имеет слабое представление о возможностях наблюдения. Ему не пришло в голову поинтересоваться наличием узконаправленных микрофонов или миниатюрных радиозакладок, которыми теоретически мог быть напичкан ресторанный кабинет. Но в отличие от депутата бывший сотрудник Службы внешней разведки предусмотрел такую возможность, поэтому в кармане у Берша лежал детектор радиопередающих устройств. При наличии такого устройства прибор начинал часто вибрировать, однако сейчас он находился в полном покое. Поэтому руководитель службы безопасности «Промэкса» был уверен – его беседу с депутатом Госдумы действительно никто не прослушивает.

– Как прошла ваша поездка? Надеюсь, она оказалась не очень утомительной? – участливо поинтересовался Берш.

При этом он подумал, что помощница и секретарша Варенникова – Марина, сопровождавшая депутата в поездке, наверняка скрасила его досуг.

– Спасибо, все хорошо, – не вдаваясь в подробности, ответил Варенников.

– Как вас приняли на заводах? Что показали? С кем из руководителей удалось встретиться?

Несмотря на то что вопросы были заданы во множественном числе, Георгий Варенников догадался, что его собеседника интересует только одно предприятие.

– В Арзамасе нас принял директор завода, а по цехам водил главный инженер. В соответствии с целью командировки нам показали только те цеха, где работают с радиоактивными материалами...

Берш слушал очень внимательно, хотя внешне старался ничем не показывать заинтересованности.

– Ну а люди, какое впечатление произвели на вас работники завода? – спросил он, когда депутат закончил свой рассказ.

– Хорошее впечатление. Грамотные специалисты, – по привычке начал Варенников.

Берш даже едва заметно улыбнулся: «Ты, видно, забыл, что сейчас не на депутатской трибуне». Но постепенно от общих слов Георгий Яковлевич перешел к своим наблюдениям:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.